

Международный консорциум «Электронный университет»

*Московский государственный университет экономики,
статистики и информатики*

Евразийский открытый институт

Методологические ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

Хрестоматия

Учебно-методический комплекс

Авторы и составители

С.Ю. Манухина, А.Н. Занковский

Москва 2009

УДК - 159.9
ББК - 88
М - 242

Методологические основы психологии : хрестоматия ; учебно-методический комплекс / авторы и составители *С.Ю. Манухина, А.Н. Занковский*. – М., Изд. центр ЕАОИ, 2009. – 152 с.

ISBN 975-5-374-00244-7

© Манухина С.Ю., Занковский А.Н., авторы и составители, 2009
© Оформление. АНО «Евразийский открытый институт», 2009

Содержание

Хрестоматия	5
Предисловие	6
Тема 1. Методология научного познания	8
<i>Гудвин Дж.</i> Способы познания.....	8
<i>Занковский А.Н.</i> Основные характеристики научного метода.....	14
Тема 2. Специфика методологии психологии	17
<i>Юревич А.В.</i> Состав и структура психологического знания	17
Тема 3. Философские основания психологии	45
<i>Ломов Б.Ф.</i> Некоторые принципы системного подхода в психологии.....	45
<i>Петровский А.В., Ярошевский М.Г.</i> Категориальный строй психологии.....	66
<i>Петровский А.В., Ярошевский М.Г.</i> Ключевые проблемы и объяснительные принципы психологии	74
Тема 4. Обще- и частнонаучная методология психологии ..	76
<i>Давыдов В.В.</i> Личность	76
Тема 5. Система методов психологии.....	92
<i>Ананьев Б.Г.</i> Краткая характеристика методов исследования	92
Тема 6. Организация научного психологического исследования.....	107
<i>Ануфриев А.Ф.</i> Язык науки: понятийный аппарат научного исследования.....	107
<i>Райзберг Б.А.</i> Состав и содержание диссертационной работы	116
<i>Занковский А.Н.</i> Этапы научного исследования	118
Руководство по изучению дисциплины	123
Контрольные мероприятия.....	132

Темы рефератов.....	133
Список вопросов для итогового мероприятия	135
Глоссарий	137
Практикум	141
Тест.....	145
Список литературы	148

Предисловие

Хрестоматия «Методологические основы психологии» создавалась специально для студентов факультета психологии Московского Государственного Университета Экономики, статистики и информатики и задумывалась как дополнение к одноименному курсу. Сам курс, кроме просветительских целей, направлен и на решение целей, связанных с подготовкой студентов к их последней и самой важной в учебном процессе квалификационной работе – дипломной работой. Нам было важно обозначить и представить именно те темы, которые могли бы помочь студенту обобщить весь пройденный за пять лет материал, взглянуть на него со стороны методологических и метапсихологических категорий. А также взглянуть на свою научную работу с системной точки зрения, опираясь на основные методологические принципы психологии.

Данная хрестоматия включает в себя пять основных разделов: «Методология научного познания», «Специфика методологии психологии», «Философские основания психологии», «Обще- и частнонаучная методология психологии», «Система методов психологии», «Организация научного психологического исследования».

В первом разделе описываются способы и формы познания мира (Дж.Гудвин), затрагивается вопрос научного метода в психологии, выделяются основные его характеристики (Занковский А.Н.).

Во втором разделе затрагивается вопрос особенностей психологического знания, описываются объект психологии, ее место в кругу других наук по Б.М. Кедрову (Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.). Особое место отводится описанию структуры психологического знания (Юревич А.В.).

В третьем разделе представлено описание основных методологических принципов психологии, а также затрагивается тема предпосылок развития системного подхода в психологии и представления о системном подходе в трактовке Б.Ф. Ломова (Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Ломов Б.Ф., Петровский А.В.,

Ярошевский М.Г.). В разделе обсуждается проблема категориального строя психологии, рассматривается соответствие между базисными и метапсихологическими категориями (Петровский А.В., Ярошевский М.Г.).

Четвертый раздел посвящен описанию проблем обще- и частнонаучной методологии психологии. Затрагивается вопрос описания категорий личности, общения, деятельности в психологии (Давыдов В.В., Леонтьев А.А., Ломов Б.Ф. и др.) с точки зрения системных методологических принципов в психологии.

В пятом разделе основное место уделяется системе методов в психологии. Здесь представлены и описания классификации методов, природа и назначение ряда методов (Анастаси А., Урбина С., Ананьев Б.Г., Кулагин Б.В. и др.).

В шестом разделе особое место уделяется организации научного психологического исследования. Рассматривается что такое актуальность, проблема, объект, предмет, задачи, гипотеза исследования, приводятся примеры их описания (Дружинин, В.Н., Занковский А.Н., Ануфриев А.Ф., Райзберг Б.А.).

Приведенные в хрестоматии тексты являются плодом научных измышлений нескольких поколений ученых. Все эти работы являются обязательным материалом для прочтения студентами. Их освоение является основой для написания качественной выпускной квалификационной работы студентов-психологов МЭСИ.

Манухина С.Ю., к.пс.н.

Хрестоматия

Тема 1.

Методология научного познания

Гудвин Дж. Способы познания // Исследование в психологии: методы и планирование. – СПб.: Питер, 2004, с. 24–28

Давайте задумаемся над чем-нибудь, что мы считаем безусловно верным. Это может быть нечто совсем простое, вроде мысли о том, что сад лучше поливать утром, а не вечером, или нечто сложное, как, например, религиозное чувство. Как мы приходим к уверенности в чем-то?

В 1877 г. американский философ-прагматик Чарльз Пирс в своей работе «Становление убеждений» (*The Fixation of Belief*) описал четыре пути формирования убеждений – упорство (*tenacity*), авторитет, метод априори и научные методы. Пирс считал, что первые три подхода широко распространены, но несостоятельны и что только наука является истинным способом получения знаний.

Упорство

Первый путь, описанный Пирсом, **упорство** – это рожденная страхом перед неопределенностью безусловная вера в правильность некоторого суждения, не поддающаяся никакой критике. Люди, таким образом строящие свои убеждения, обращают внимание только на подтверждающую информацию и нечувствительны к опровергающим свидетельствам. Пирс не описывает, как подобные убеждения возникают, отмечая лишь, что они весьма примитивны и рождаются из «инстинктивных неприятия или неуверенности» (Tomas, 1957, p. 15). Вероятно, такие убеждения формируются, когда человек многократно слышит некую «истину» и не встречается с противо-

речащими ей фактами. Например, студенты колледжей 60-х гг. верили в существование конфликта между поколениями и как мантру повторяли слова: «Не доверяй никому старше 30» (сейчас этим людям около 50, и они с большим недоверием относятся ко всем, кто моложе 30).

Убеждения, которых упорно придерживаются, дают своим носителям ощущение комфорта, внося определенность в мир, полный сомнений. Однако на их формирование серьезно влияют личные предубеждения. Современные социальные психологи отождествляют понятие упорства с понятием **ригидности мнения** – упрямым нежеланием рассматривать факты, противоречащие избранной точке зрения (Anderson, Lepper & Ross, 1980). Упрямый человек, «знающий», что в 1947 г. американский самолет сбил летающую тарелку и доставил погибших инопланетян в город Росвел в штате Нью-Мексико, проигнорирует любые научные опровержения этого факта (или воспримет их как намеренную ложь). Феномен упорства проявляется в силе предубеждений – люди с сильными предубеждениями упорно верят в свою правоту, и переубедить их практически невозможно. На убежденного в том, что получающие пособие по безработице просто не хотят работать, издеваются над системой и имеют дорогие машины, никак не подействует опыт социологических исследований о причинах возникновения этого стереотипа.

Авторитет

Второй путь «закрепления убеждений», описанный Пирсом, – это авторитет. При объяснении этого явления Пирс использовал пример властей штата, постоянно повторяющих одни и те же «правильные» вещи и стремящихся иметь в глазах населения вид принципиальных (Tomas, 1957, p. 16). Влияние авторитета осуществляется по-разному: будучи детьми, мы верим тому, что говорят нам наши родители (хотя бы некоторое время); став студентами, мы признаем авторитет преподавателей и верим написанному в учебниках; как пациенты, мы принимаем прописанные лекарства и верим, что они

помогут, и т.д. Несомненно, полагаясь на мнение авторитетов при формировании собственных убеждений, мы не думаем о том, что авторитеты могут заблуждаться. Родители часто передают детям предвзятые мнения, преподаватели иногда ошибаются, а их знания могут быть неполными или отражать личные предпочтения, учебники могут содержать ошибки и недостоверную информацию, врач может неверно поставить диагноз или прописать неподходящее лекарство, а тот факт, что правительство часто принимает неверные решения, вряд ли требует комментариев.

С другой стороны, из авторитетных источников, а в особенности от экспертов в своей области, мы узнаем многие важные вещи. Например, мы читаем «Консьюмер рипортс», смотрим прогноз погоды и прислушиваемся (иногда) к словам врачей о необходимости физической активности и правильного питания. Кроме того, безусловно авторитетны гении литературы и искусства, объясняющие нам многое в человеческом поведении. Как можно читать Шекспира, Диккенса или Остин не понимая при этом, что проникаешь в сущность человеческой природы?

Рассуждение и логика

Пирс считал, что упорство и опора на авторитет имеют серьезные недостатки как пути познания. Они приносят успокоение и иногда случайно приводят к постижению истины, но при этом очень часто ведут к ошибкам. Третий путь «закрепления убеждений» является шагом вперед по сравнению с предыдущими, хотя и имеет свои недостатки. Пирс описал его как «постепенное формирование убеждений в гармонии с естественными законами причины и следствия» (Tomas, 1957, p. 20) в результате совместного обсуждения проблемы с людьми, придерживающимися различных взглядов. Убеждения, образованные таким способом, называются «принятыми на основании здравого смысла» (p. 20). Таким образом, третий подход заключается в авторитете разума для достижения согласия между людьми, которые взвешивают достоинства того

или иного мнения. Пирс назвал этот подход **методом априори**, так как он основывается на логике и аргументировании, а не на непосредственном опыте. Мнение логически выводится из сделанного ранее допущения (априори в переводе с латинского означает «заранее, без проверки»). Пирс с легкой тенью сарказма писал, что философы-метафизики любили метод априори и одни из них красноречиво доказывали истинность своих убеждений, а другие не менее красноречиво опровергали их и доказывали нечто противоположное (например, дискутируя на тему, является ли тело и разум единой или же двумя отдельными сущностями). В результате убеждения оказываются зависимыми от моды. Говоря о метафизике, в частности, Пирс писал, что «маятник с давних пор качается туда и обратно от более материалистической к более идеалистической философии» (Tomas, 1957, p. 24).

Опыт

Еще один важный вид познания, описанный Пирсом, – это **эмпиризм** – получение знаний с помощью непосредственного наблюдения или опыта. Вскоре вы узнаете, что постановка «эмпирических вопросов» является важной частью научного мышления и что поговорка «опыт – лучший учитель» абсолютно верна. Конечно, опасно в поисках истины слепо полагаться на чей-то опыт, но проблема в том, что наш личный опыт вынужденно ограничен. Кроме того, на его интерпретацию воздействует множество факторов – феномен, названный социальными психологами «искажением, вызванным социальным ожиданием». Ригидность мнения, упомянутая в связи с понятием упорства, – одно из таких искажений. Другие его разновидности – переоценка по причине запоминаемости и искажение через подтверждение. Переоценка по причине запоминаемости происходит, когда мы переживаем необычные или очень яркие события, а затем переоцениваем их возможную частоту (Tversky & Kahneman, 1973). Так, люди, которые часто смотрят по телевидению передачи о преступниках, переоценивают вероятность стать жертвой преступле-

ния. Или, например, оттого, что крушения самолетов привлекают большее внимание средств массовой информации, чем автокатастрофы, и потрясают аудиторию, некоторые люди не верят,, что авиатранспорт гораздо менее опасен, чем автомобильные поездки. Искажение по подтверждению – это тенденция к поиску информации, подтверждающей имеющееся мнение, и к пренебрежению опровергающими его фактами (Wason & Johnson-Laird, 1972). Например, люди, которые верят в экстрасенсорное восприятие, будут внимательны к тем моментам, когда они «думали о мамочке, как вдруг зазвонил телефон, и это была она!» и проигнорируют многочисленные случаи, когда они а) думали о мамочке и она не позвонила и б) не думали о мамочке и она позвонила. Им также не придет в голову, что если они беседуют с матерью примерно раз в две недели, количество мыслей о ней должно будет увеличиться к концу двухнедельного периода, а следовательно, будет расти вероятность «попадания». Опыт может быть надежным штурманом в море жизненных трудностей, но необходимо помнить и о его ограниченности.

Переоценка по причине запоминаемости и искажение по подтверждению могут заметно влиять на убеждения, сформированные опытом. Ярким примером является то, что происходит при исправлении студентами ответов, данных в тесте на выбор из нескольких вариантов. Многие верят, что при этом обычно правильный ответ исправляется на неправильный. Такое событие очень хорошо запоминается, возможно, потому, что сказывается на полученной оценке. Когда убеждение начало формироваться, оно подкрепляется каждый раз, когда делается подобное исправление. Кроме того, студенты склонны не обращать внимания на случаи, когда они меняют один неправильный ответ на другой или неправильный ответ на правильный. Запоминается только ситуация замены правильного ответа на неправильный, снижающая оценку за работу. Это убеждение опровергается исследованием, показавшим, что наиболее часто (около 58% случаев) происходит замена неправильного ответа на правильный. Обрат-

ное бывает только в 20% случаев, а оставшиеся 22% приходятся на случаи замены одного неверного ответа на другой (Benjamin, Cavell & Shallenberger, 1984).

Способы познания и наука

По Пирсу, самым надежным способом формирования убеждений являются научные методы, обеспечивающие познание «явлений как они есть, вне зависимости от нашего мнения о них» (Томас, 1957, стр. 25). Таким образом, по мнению Пирса, основным достоинством науки является объективность, которую он противопоставляет субъективности, причем объективность означает полное отсутствие предубеждений и психологических искажений. Прежде чем подробно обсуждать научное мышление, необходимо отметить, что ученые – это такие же люди, как и все остальные, они бывают склонны к упорству, полагаются на авторитеты, спорят друг с другом в априорном стиле и учатся на личном опыте.

Что касается упорства, то иногда ученые придерживаются излюбленной теории или методологии и спустя долгое время после того, как все остальные забудут ее. Также они бывают весьма далеки от желания воспринять новую идею. Чарльз Дарвин как-то полушутя написал, что смерть в 60 лет могла бы стать неплохим выходом для ученых, так как после вступления в этот возраст они «наверняка будут возражать против всех новых учений» (Boorstin, 1985, p. 486). С другой стороны, историк науки Томас Кун в 1970 г. отметил, что отказ от принятия теории, подтвержденной лишь несколькими экспериментами, сомнения в ее валидности могут способствовать тщательной проверке этой теории. Решительный (упорный) защитник теории может помочь выработать все ее ресурсы, прежде чем она будет забыта в научном обществе. Процесс оценки, развития и заката теорий рассматривается в главе 3.

Ученые (и психологи-исследователи в их числе) могут также оказаться восприимчивыми к влиянию авторитета. «Авторитетами» обычно являются другие ученые, вероятность достоверности суждений которых довольно высока. Однако

исследователи не склонны принимать нечто за истину только потому, что известный ученый считает это верным. Обычно ученые поступают в соответствии с девизом, помещенным на входе в здание Британского королевского общества, – «*Nullius in Verba*», согласно которому следует «не доверять чужим словам и во всем убеждаться на практике» (Boorstin, 1985, p. 394). К сожалению, как было отмечено ранее, процесс «убеждения на практике» рождает искажения, вызванные социальным ожиданием.

Метод априори часто применяется в науке, когда ученые спорят друг с другом и пытаются прийти к единодушному мнению по некоторому вопросу, нередко безрезультатно (например, обсуждая, можно ли считать подходящей метафорой для мозга слово «компьютер»). <...> При разработке идей исследования и оценке его выводов ученые опираются на законы логики и индуктивные/ дедуктивные умозаключения. Но хотя научное мышление включает в себя элементы описанных выше способов познания, оно имеет также особые, присущие только ему черты. <...>

Занковский А.Н. Основные характеристики научного метода // Организационная психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2002, с. 59–61

Тремя наиболее важными характеристиками научного метода являются *контролируемость, операциональное определение и повторяемость*. Каждая из этих характеристик, хотя и является важной для науки, может встречаться и вне ее, но научный метод не существует вне этих характеристик.

Контролируемость. Контроль, пожалуй, наиболее важный элемент научной методологии, так как он позволяет идентифицировать причины и следствия наблюдений. Эксперименты, как правило, проводятся с целью получения ответов на конкретные вопросы: «Почему происходит специфическое явление? В чем его причины? При каких условиях оно

имеет место быть?» Контроль необходим для того, чтобы дать однозначные ответы на эти вопросы, исключив одновременное влияние многих переменных, и тем самым выделить причину явления. Контролируемость является необходимым условием научного исследования, так как без нее невозможно выявить действительную причину. Наблюдаемый эффект может быть в равной мере результатом любой из неконтролируемых переменных либо их комбинации.

Операциональное определение. Под операциональным определением мы понимаем такое определение, которое описывает явления в терминах операций или шагов, используемых для его измерения. Операциональное определение необходимо для того, чтобы сократить неопределенность смысла.

Рассмотрим утверждение: «Голод влияет на селективность восприятия, акцентируя объекты, связанные с пищей». Неизбежно возникнет вопрос, что понимается под голодом. Определение голода как обостренной потребности в пище не проясняет сути дела. В то же время операциональное определение голода как пищевой депривации (воздержание от пищи) в течение десяти часов точно определяет это состояние. В этом случае всем понятно, что подразумевается под голодом, и при желании можно воспроизвести тот же уровень голода.

Повторяемость. Для того чтобы быть повторяемыми, результаты эксперимента должны быть надежными, то есть при повторении исследования будет получен тот же результат. Если наблюдаемое явление невозможно повторить, то описания и объяснения ненадежны и, следовательно, бесполезны.

Повторяемость наблюдений может быть оценена путем межгрупповых, *интериндивидуальных* и *интраиндивидуальных* наблюдений. Межгрупповые наблюдения предполагают повторяемость результатов на другой группе испытуемых, интериндивидуальные наблюдения включают оценку надежности наблюдений на других индивидах (испытуемых), а интраиндивидуальные наблюдения пытаются повторить полученные результаты на том же испытуемом в различных условиях.

Научный метод отличается от других методов познания одним важным свойством, он включает обязательную *обратную связь*, т.е. самокорректировку. Эта корректировка подтверждает и контролирует деятельность и выводы исследователя. Даже если гипотеза получила подтверждение, ученый будет проверять также и другую, альтернативную гипотезу.

Знание прирастает за счет результатов научного исследования, потому что наука апеллирует к фактам, подвергая гипотезы эмпирической проверке. Все другие методы не обладают процедурами, позволяющими определить преимущество одного мнения над другим.

Таким образом, *научный метод – это набор средств для решения проблемы*. Научный метод имеет несомненное преимущество перед субъективным, интуитивным знанием, так как основывается на систематическом научном наблюдении и способен корректировать себя. Научный метод использует индуктивный и дедуктивный подходы или их комбинацию, позволяющую связать эмпирические данные и теории. Теория выступает как система координат, упорядочивающих эмпирические данные.

Тема 2.

Специфика методологии психологии

Юревич А.В. Состав и структура психологического знания // Психология и методология. – М.: ИНП РАН, 2005, с.139-161

1.1. «Анатомия» психологического знания

Современная отечественная психология немало лет находилась в условиях, с одной стороны, высокой востребованности психологического знания, с другой стороны, – ослабления попыток упорядочить это знание и явного пренебрежения к методологическим вопросам. Такое положение вещей не выглядело сколь-либо парадоксальным: если психологическое знание «покупают», а покупают его повсеместно и очень охотно, значит, оно того заслуживает, а стало быть, нет причин сомневаться в его адекватности и поднимать «проклятые» методологические вопросы, которые, к тому же, как показывает опыт более чем столетнего развития психологической науки, все равно не разрешимы. Кроме того, отечественные социогуманитарии в последнее время скорее привносят в нашу социальную практику знание, произведенное западной наукой, нежели сами являются производителями знания [Отметим в этой связи, что, например, по мнению Ю.М. Плюснина, в современном обществе «презентационный» тип поведения ученого, состоящий в применении научного знания, его «разыгрывании» и коммерческом внедрении в практику вменяет «классический» тип поведения, заключающийся в производстве этого знания (Плюснин, 2003). Уместно вспомнить и идею о том, что «время научных открытий сменилось временем использования плодов этих открытий, когда науке дается временная (надо полагать) отставка» (Кефели, 1997, с. 19)]. В по-

добных условиях было бы странно, если бы психологи вместо того, чтобы продавать охотно покупаемый у них товар – психологическое знание (или то, что считается таковым), – занялись его придиричивым изучением и выявлением его скрытых изъянов.

Тем не менее, диспропорция между неудовлетворительным состоянием психологического знания и его высокой востребованностью не может не настораживать, поскольку рано или поздно психологическому сообществу могут быть предъявлены вполне оправданные претензии. А как известно, попытки решить частные вопросы, не разрешив предварительно общих, часто оказываются бесплодными. Поэтому вопрос о том, что же представляет собой психологическое знание, как оно организовано и структурировано, по-прежнему актуален.

Трудно не согласиться с тем, что «самая актуальная проблема психологии на современном этапе – это интеграция психологического знания» (Мазилов, 2003, с. 218), если, конечно, не рассматривать эту интеграцию как искусственное подведение под общий знаменатель заведомо неподводимых под него подходов и направлений. А интеграция психологического знания едва ли возможна без его систематизации, позволяющей хотя бы в минимальной степени упорядочить его.

К числу основных структурных элементов психологического знания можно отнести [Рассматриваемое ниже «препарирование» психологического знания – это, разумеется, аналитическая абстракция. В действительности элементы психологического знания нередко пересекаются, взаимопроникают друг в друга и т.п.]:

1) базовые «идеологии» (и сопряженные с ними системы методологических принципов);

2) категории;

3) теории;

4) законы;

5) обобщения;

6) объяснения и интерпретации;

7) прогнозы и предсказания;

- 8) факты и феномены;
- 9) знание контекста (установления фактов и проявления феноменов);
- 10) эмпирически выявленные корреляции между феноменами;
- 11) описания;
- 12) методики;
- 13) технологии;
- 14) знания, ассимилированные психологией из смежных наук.

1.2. Слагаемые психологического знания

В основании психологического знания лежат *базовые психологические «идеологии»*, такие, как бихевиоризм, когнитивизм и психоанализ. Эти «идеологии» и соответствующий им уровень организации психологического знания называют по-разному: парадигмами, подходами, ориентациями, системами знания и т.д. Но все систематизации психологического знания так или иначе отдают ему должное

В психологической литературе трудно найти удовлетворительное определение наиболее глобальных систем психологического знания и их слагаемых. Психоанализ, например, определяют и как один из базовых подходов в психологии, и как теорию, и как метод, и как область психологической практики, и даже как религию современного западного общества (Беккер, Босков, 1961) [Р. Вудвордс назвал психоанализ «опасной религией, удушающей науку изнутри» (по: Аллахвердов, 2003, с. 215)]. Каждое из этих определений посвоему верно, однако все они отличаются неполнотой. Когнитивизм, бихевиоризм и психоанализ можно охарактеризовать и как глобальные психологические методологии, задающие общий образ психологической реальности, основные принципы ее изучения, соответствующие теории, способы производства знания, критерии его верификации и т.д., закрепленные определенными «методологическими эмоциями» (Юревич, 2000).

Наличие подобного «аффективного» подкрепления соответствующих теорий дает основание характеризовать глобальные системы психологического знания именно как *идеологии*, выполняющие не только познавательные, но и мировоззренческие функции.

Каждая из глобальных психологических идеологий предполагает собственные критерии адекватности знания (Юревич, 2000 и др.). Это дает основания говорить о том, что наиболее глобальные системы психологического знания, как и куновские парадигмы, «несоизмеримы» друг с другом, т.е. к ним не применимы единые критерии Рациональности. Соответственно, психологию можно охарактеризовать как допарадигмальную науку, т.е. пред-науку, которая станет полноценной научной дисциплиной только тогда, когда в ней будут выработаны общеразделяемые критерии рациональности и достоверности знания, различные методологии объединятся, а конкурирующие парадигмы сольются друг с другом (Кун, 1975).

Глобальным психологическим «идеологиям», конечно, можно отказать в статусе сформированного знания, усмотрев в них не знание как таковое, а лишь основу его производства. И они, безусловно, выполняют данную функцию, но при этом являются и собственно *знанием*, поскольку общие представления о психике как о поведении, трансформациях образа, взаимодействии сознания и бессознательного и т.д. предполагают немало знаний, которые и делают возможным различное понимание психологической реальности.

Психологические категории, как и базовые психологические «идеологии», тоже можно рассматривать как вспомогательные конструкты, представив их как средство *выражения* психологического знания, а не знание как таковое. И действительно, казалось бы, какое знание могут содержать в себе просто обозначения, даже если это такие термины, как сознание, личность, бессознательное, потребность, мотив и т.п.?

Однако нетрудно заметить, – и этот эксперимент любой психолог может провести над самим собой, – что каждая из подобных категорий не только вызывает поток словесных ас-

социаций, но и актуализирует целый массив знаний – об их содержании, разнообразии трактовок, истории изучения. Конечно, это знание отчасти пересекается с другими видами психологического знания – в первую очередь о феноменах, обозначаемых категориями, однако не сводится к нему. И вполне понятно, почему психологические категории нередко считаются основными «сгустками» психологического знания и его опорными компонентами (Петровский, Ярошевский, 1998). Весь путь психологической науки может быть представлен как история развития психологических категорий, а один из возможных ответов на вопрос о том, в чем же состоит ее прогресс в условиях хаотичности знания и отсутствия его кумулятивное™ звучит так: «В обогащении категорий» (там же). То есть про личность или мотивацию мы сейчас знаем больше, чем знали сто или пятьдесят лет назад, и в этом – несомненный прогресс психологической науки.

Психологические категории разнообразны по своему происхождению, однако наиболее очевидны три их источника. Первый источник – обыденный опыт. Основная часть категорий, которыми оперирует научная психология, – это термины обыденного языка: ощущение, восприятие, эмоции, чувства и др. Иногда подобные понятия переносятся из обыденного языка в категориальный аппарат научной психологии без сколь-либо принципиальных, а то и вообще без каких-либо смысловых трансформаций. Иногда на территории научной психологии они подвергаются переработке, переопределениям (обычно множественным), погружению в новые смысловые контексты и т.д. Подобную переработку произвел, например, Ф. Хайдер при закладывании оснований психологии межличностных отношений (Heider, 1958). Второй источник психологических категорий – термины других наук. Например, ключевые категории концепции К. Левина – «поле», «валентность» и др. – позаимствованы им у естественных наук, хотя чаще психология заимствует категории у более близких социогуманитарных дисциплин. Третий источник психологических категорий носит «внутренний» характер. Многие

категории рождаются в рамках самой психологии, хотя в таких категориях психологической науки, как сублимация, каузальная атрибуция и т.д., как правило, тоже присутствуют элементы внешнего по отношению к ней опыта.

Один из главных путей построения единой и стройной системы психологического знания, подобной системам естественнонаучного знания, часто видят в создании иерархической системы психологических категорий (Петровский, Ярошевский, 1998). А установление гносеологических отношений между ними рассматривается как эквивалент установления онтологических отношений между соответствующими фрагментами психологической реальности. Такой путь объединения психологического знания – его объединение «сверху», путем «наведения мостов» между психологическими категориями – выглядит гносеологически обоснованным, хотя и чреват построением довольно произвольных конструкций.

В отличие от глобальных систем психологического знания, *психологические теории* определяются довольно четко – как «системы взаимосвязанных гипотез и утверждений относительно какого-либо феномена или системы феноменов» (Shaw, Costanzo, 1970, p. 4), «системы ясных утверждений, делающих возможными предсказания относительно эмпирических явлений» (Ibid., p. 7), хотя в описание этих теорий, как правило, включается обильный материал не-теоретического (часто эмпирического и др.) характера, который редко укладывается в какую-либо *систему*. Такие определения мало отличаются от привычного определения теории, а психологические концепции определяются как *типовой случай научных теорий вообще*, не обладая какими-либо принципиальными отличиями от теорий в других науках.

Не подвергая критике это весьма спорное допущение, отметим, что психологические теории в большинстве случаев строятся в рамках глобальных психологических «идеологий» и, соответственно, в значительной мере зависимы от них. Вместе с тем психологические Теории обладают определенной, хотя и очень ограниченной автономией от психологических

«идеологий», в результате чего теория, рожденная в рамках одной «идеологии», может ассимилировать элементы других: например, когнитивистская теория каузальной атрибуции впитала в себя бихевиористскую теорию Д. Бема (Андреева, 2000). Вопрос об истинности или ложности психологических теорий обычно выносится в плоскость эмпирических верификаций и решается вне зависимости от истинности базовых «идеологий», к тому же эти теории объясняют фрагменты опыта, успешно вписывающиеся в любые «идеологии». А теории «среднего ранга», которые современная психология явно предпочитает общим теориям, обычно строятся как систематизации отдельных областей психологического опыта, подчиненные не столько теоретическим, сколько практическим целям. Вместе с тем существуют психологические теории, которые в принципе не могут быть изъяты из контекста соответствующих «идеологий». Наиболее яркий пример – психоанализ (как теория), ни одно из базовых положений которого до сих пор не получило эмпирического подтверждения, в результате чего принятие этих утверждений является «вопросом веры» (Аллахвердов, 2003) (Отсюда характеристики психоанализа как «скорее религии, чем науки»).

Психологические законы в основном устанавливаются эмпирическим путем, отражая, как и любые законы, устойчивую связь явлений. Однако в системе психологического образования изучение психологических законов почему-то отходит на задний план. Среднестатистический психолог куда хуже знает психологические законы, чем физик – физические (что естественно) или, если взять пример из области социальных наук, экономист – экономические (что неестественно). Поэтому есть смысл привести примеры психологических законов [Одно из наиболее четких и компактных описаний психологических законов содержится в книге В.М. Аллаxвердова (Аллахвердов, 2000).].

- Закон Фрейда – Фестингера: механизм сознания, столкнувшись с противоречивой информацией, начинает свою работу с того, что пытается исказить эту информацию или вообще удалить ее с поверхности сознания.

- Закон Джемса: сохранение осознаваемого обеспечивается только путем его изменения.
- Закон Бардина: зона неразличения дифференциального признака сама является дифференциальным признаком, т.е. зависит от других признаков, используемых в опыте.
- Закон Хика: чем менее вероятен предъявленный стимул или требуемая реакция, тем больше времени над этой ситуацией работает сознание.
- Закон классификации: любой конкретный стимул (объект) всегда появляется в поверхностном содержании сознания в качестве некоего класса стимулов (объектов), при этом класс не может состоять из одного члена.

Любая наука стремится представить вырабатываемое ею знание в виде системы законов. В психологии это едва ли возможно. В то же время ее возможности в плане выявления и формулирования общих законов нельзя и недооценивать: существует немало психологических закономерностей, которые можно сформулировать в виде общих законов. А одним из главных препятствий этому служит близость научного и обыденного психологического познания, в результате чего ради сохранения статуса науки психология стремится дистанцироваться от него и, соответственно, избегать утверждений, которые могут показаться слишком «тривиальными».

К *психологическим обобщениям* можно отнести констатации связей, которые носят достаточно устойчивый характер, но в силу своего более частного характера или каких-либо других причин не могут претендовать на статус законов или пока не устоялись в качестве таковых (чтобы некая устойчивая связь была признана законом, научное сообщество должно *признать* ее таковым, что предполагает достаточно сложный социальный механизм). Примерами таких обобщений могут служить выводы, содержащиеся в заключительной части любой диссертационной работы. Однако мы приведем примеры более фундаментальных и известных психологических обобщений.

- Если в прошлом поведение человека подкреплялось в некоторой стимульной ситуации, то, чем больше нынешняя ситуация похожа на ту, в которой осуществлялось подкрепление, тем больше вероятность того, что будет осуществлена и соответствующая активность (Shaw, Costanzo, 1970, p. 76).

- Чем чаще, в рамках определенного интервала времени, человек подкрепляет активность другого, тем чаще другой будет осуществлять эту активность (ibid, p. 76).

- В процессе восприятия люди стремятся к балансу между минимизацией когнитивных усилий, с одной стороны, и удовлетворением своих основных когнитивных потребностей – с другой (Dual-process theories., 1999, p. 74).

- Как правило [Отметим, что преамбула «как правило», очень характерная для формулировок психологических обобщений, отчетливо указывает на их вероятностный, стохастический характер и служит одним из главных отличий этих обобщений от обобщений, характерных для точных наук (формулировки вроде «тела, имеющие массу, как правило, падают на землю» или «Земля, как правило, вращается вокруг Солнца» выглядели бы абсурдно). Весьма характерны для психологических обобщений и такие вводные слова, как «принято считать, что» и даже «говорят, что» (Dual-process theories., 1999), имеющие близкий смысл, но выражающие его еще более утрированно.], вероятность непосредственной актуализации установки является функцией ее доступности в памяти (Ibid, p. 120).

- Как правило, люди обращают большее внимание на информацию, которая соответствует их установкам, оценивают неоднозначные события в соответствии с этими установками, лучше запоминают информацию, соответствующую им (ibid, p. 124).

- Негативные события кажутся более вероятными, когда человек пребывает в плохом настроении, чем когда он пребывает в хорошем настроении, а позитивные события – наоборот (Ibid, p. 126).

Психологические обобщения различных уровней составляют основной массив *формализованного* психологического

знания, и, если проделать мысленный эксперимент, попытавшись представить себе все психологические обобщения, собранные на едином носителе, бумажном или электронном, картина получится более чем впечатляющая. Однако в большинстве случаев подобные обобщения являются лишь элементами того текста, в котором сформулированы, и лишь небольшая их часть приобретает известность в научных кругах в результате либо собственной активности автора в их распространении в психологическом сообществе, либо того, что другие члены этого сообщества ссылаются на данного автора.

Психологические обобщения можно разделить на «востребованные» (распространяемые в психологическом сообществе) и «невостребованные» (представленные только в конкретном тексте или устном сообщении), причем первые составляют «верхушку айсберга» в сравнении со вторыми. То есть описанный в социологии науки процесс *социализации знания* порождает своего рода пирамиду, на вершине которой находится *публичное знание*, распространяемое в научном сообществе и разделяемое, по крайней мере, некоторой частью его членов, а в основании лежит *локальное знание* – те обобщения, которые не востребованы, но в любой момент могут быть актуализированы и переведены в разряд публичного знания. Соответственно, адресованные психологической науке упреки в том, что в ней существует дефицит устоявшегося знания (Юревич, 2000), вызваны, прежде всего, дефицитом *публичного знания*, и эта ситуация является следствием сложности не столько производства, сколько распространения и социализации знания.

Психологические объяснения и интерпретации по своим социальным характеристикам близки к психологическим обобщениям, однако отличаются от них своей когнитивной направленностью – они ориентированы не на фиксацию связи явлений, а на ее объяснение. Поскольку объяснение является одной из основных функций науки (Никитин, 1970), объяснения и интерпретации тоже составляют значительную часть психологического знания. Следует учитывать также неписа-

ные традиции научного исследования и оформления научных текстов: установив некоторую связь или выявив некий феномен, ученый, как правило, стремится их объяснить, и этот вид психологического знания обычно органически дополняет то «констатирующее» знание, к которому объяснения прилагаются.

Основные виды психологических объяснений аналогичны существующим в других науках: объяснение через подведение под общий закон, объяснение через сведение к теории, объяснение через указание влияющих на объясняемое событие факторов и предшествовавших ему событий и т.д. (Никитин, 1970). Вместе с тем специфические особенности объяснений в социогуманитарных науках в сравнении с науками естественными (Вригдт, 1986; Harre, 1960 и др.) присущи и психологии. В частности, объяснение, подчиненное целям понимания, здесь играет не меньшую роль, чем объяснение путем включения объясняемых феноменов в некоторую устоявшуюся систему знания, а перечисление влияющих на эти феномены факторов куда более распространено, чем объяснение путем подведения под общие законы.

Принято считать, что одним из главных недостатков психологии является принципиальная множественность объяснений и интерпретаций любого психологического феномена. Этот недостаток нередко выдается за общее свойство всех социогуманитарных наук, отличающее их от естественных наук, где любое явление, якобы, получает строго однозначную трактовку. Однако подобное представление основано на значительном смещении «точки отсчета» – существенном искажении образа естествознания.

Как отмечает Р. Рорти, обобщая именно опыт естествознания, любое явление может быть объяснено различными способами, и то, что выбирается в качестве объяснения, не предопределено объективным опытом и не задается некими универсальными правилами познания, а зависит от нас (Rorty, 1982). Мы, разумеется, не полностью свободны в выборе способов объяснения, связаны некоторыми традициями, общими

критериями рациональности и т.д. Скажем, будучи современными людьми, мы не будем объяснять заход Солнца тем, что черепаха, на которой покоится Земля, переворачивается. Но любое, даже физическое явление может быть рационально, т.е. в рамках принятых в данной культуре критериев «научности», объяснено на разных уровнях. И любое объяснение представляет собой вычленение определенного «локуса причинности», не исключающее существования других «локусов».

Любое социальное явление обуславливается большим количеством факторов, чем явления физические. Это достаточно очевидно уже хотя бы потому, что социальные явления испытывают влияние факторов и физических, и биологических, и социальных. В результате в социогуманитарных науках, объясняющих такие явления, открывается больший простор для вычленения «локусов причинности», т.е. здесь существует множество потенциальных объяснений любого феномена. Различие с «жесткими» – естественнонаучными – дисциплинами действительно имеется, но оно не качественное, а количественное, состоящее не в принципиальной возможности разных интерпретаций любого феномена (она имеется во всех науках), а в широте соответствующих интерпретативных полей. Соответственно, плюрализм вариантов объяснения – это не недостаток системы психологического знания, а естественное выражение особенностей предмета этой науки, его более разветвленной онтологии.

Как и любая наука, психология стремится всесторонне осмысливать устанавливаемые ею факты, не только предлагая их интерпретации и объяснения, но и формулируя соответствующие *предсказания*. Правда, широко распространено представление о том, что предсказания в психологии, в отличие от предсказаний естественных наук, ненадежны, недостоверны, и вообще эта дисциплина еще не в состоянии строить надежные предсказания. Такая точка зрения не лишена оснований, но все же не вполне справедлива. Иногда психологические предсказания ничем не уступают прогнозам точных наук, а многие психологические прогнозы не рассматриваются в ка-

честве собственно научных из-за их чрезмерной «тривиальности», т.е. (и в этом заключен парадокс) слишком явной достоверности [Можно привести такие примеры предсказаний этого типа: «если ваш дом (не дай Бог!) загорится, вы из него выбежите», «если вам сообщат о смерти близкого человека, вы расстроитесь», «если сгорят ваши сбережения в банке, вы тоже очень огорчитесь» или, напротив, «выиграв крупную сумму в лотерею, вы обрадуетесь». Это, во-первых, именно предсказания, во-вторых, предсказания достоверные (исключения возможны, но очень маловероятны), в-третьих, предсказания психологические, т.е. основанные на психологических закономерностях человеческого поведения. Однако психология не считает их научными из-за того, что они слишком «тривиальны» и получены не в психологических лабораториях, а путем житейского обобщения обыденного опыта.].

Приведем примеры собственно научных психологических предсказаний, содержащихся в трудах психологов.

- Диады, члены которых физически находятся ближе друг к другу, будут более устойчивы и будут обладать лучшими возможностями достижения позитивных результатов, чем диады, члены которых физически разделены друг с другом (Thibaut, Kelley, 1959).

- Чем меньше люди, вступающие в контакт, знакомы друг с другом, тем большие трудности они будут иметь в предсказании поведения друг друга (Shaw, Costanzo, 1970).

- Чем большие подкрепления люди получают из взаимодействия друг с другом, тем устойчивее это взаимодействие (Ibid.).

Подобные психологические предсказания, как правило, выводятся из базовых утверждений соответствующих теорий. Иногда предсказания сами представляют собой базовые утверждения этих теорий или, наоборот, базовые утверждения теорий заключают в себе предсказания. Так, например, одно из базовых утверждений теории справедливости звучит так: «Люди всегда стремятся к максимизации своих приобретений и к минимизации потерь». Нетрудно заметить, что в этом ут-

верждении заключено предсказание о том, что любой человек в любой конкретной ситуации будет вести себя в соответствии с этим принципом.

Психологические предсказания достаточно разнообразны. В первом приближении их можно разделить на две глобальные категории: а) общие предсказания (или предсказания-обобщения) и б) частные предсказания. Примеры общих предсказаний, которым присущ квантор всеобщности, были приведены выше. Такие предсказания представляют собой обобщения и распространяются на всех людей или, по крайней мере, на достаточно большие социальные группы. Частные предсказания относятся к конкретным людям или социальным группам и характерны преимущественно для психологической практики. Это предсказания о том, как будут восприняты действия того или иного политика, как поведет себя та или иная группа потенциальных потребителей нового товара и т.д.

Частные предсказания могут быть связаны с общими предсказаниями отношениями различных типов. Иногда они представляют собой простое логическое следствие общих прогнозов. Например, можно сформулировать прогноз о том, что данный политик будет стремиться получить более высокий пост в некой властной структуре как частный случай общего предсказания о том, что все люди во всех ситуациях будут стремиться к максимизации своих выигрышей. Но значительно чаще восприятие или поведение, являющееся объектом прогнозирования, носит комплексный характер, и частный прогноз строится на основе объединения ряда предсказаний общего характера, к тому же дополненного неформализованным личностным знанием того, кто его строит.

Хотя прогнозы о том, как люди поведут себя в той или иной ситуации, обычно строятся на основе каких-либо других видов психологического знания – теорий, обобщений и т.д., их вполне можно считать самостоятельной разновидностью психологического знания, обладающей как практической, так и познавательной ценностью и являющейся необходимым дополнением других его видов.

Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных составляющих *эмпирического* знания психологии. От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или менее [Употребленные в этой фразе оговорки «относительно», «достаточно», «более или менее» служат своего рода «фирменным знаком» описания психологических феноменов и их отличия от феноменов, скажем, физических. Однако и физические феномены обладают лишь относительной воспроизводимостью. Вспомним классическое высказывание «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». А любое физическое явление всегда в чем-то отличается от другого аналогичного физического явления. Скажем, конкретный дождь всегда чем-то отличается от любого другого дождя.] постоянно – по крайней мере, при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а лишь явления, достаточно существенные для психологической науки, отражающие какие-либо психологические закономерности. Например, тот факт, что объем непосредственной памяти равен 7 ± 2 элемента, во-первых, обладает достаточной воспроизводимостью в рамках обозначенного диапазона, во-вторых, важен для психологической науки и практики и имеет большое значение как для предсказания возможностей человека, так и для познания механизмов непосредственной памяти.

Важное свойство психологических фактов и феноменов состоит в том, что они, хотя и имеют аналоги в обыденном опыте, как правило, фиксируются в специально организованных условиях психологического исследования. Описанный выше факт установлен экспериментально, причем не в одном, а в многочисленных экспериментах. Некоторые из психологических фактов и феноменов могут быть установлены только в специально организованных условиях, а зафиксировать их в обыденном опыте практически невозможно. Но даже если некое психологи-

ческое явление рельефно проявляется в обыденной практике, для того чтобы приобрести статус факта или феномена психологической науки, оно должно быть воссоздано и продемонстрировано в специальных условиях. Так, скажем, явление беспричинной агрессии известно достаточно давно, но для придания ему статуса научного феномена понадобился эксперимент С. Милгрэма (Шихирев, 1999). Вообще одна из закономерностей формирования эмпирического знания в психологии состоит в том, что эта наука, как правило, не признает обыденные наблюдения и обобщения в качестве научных фактов, а стремится перевоссоздать их в условиях психологического эксперимента. Такое перевоссоздание и переопределение в терминах научной психологии служит для обыденных наблюдений своего рода пропуском на ее территорию.

Некоторые факты и феномены психологической науки, такие как, например, объем непосредственной памяти, по существу являются ее эмпирическими обобщениями, а граница между ними и другими видами психологических обобщений весьма условна. Тем не менее, факты и феномены всегда привязаны к конкретному опыту, в отличие от обобщений всегда очень наглядны, носят констатирующий, а не объяснительный характер, что и дает основания разделять эти два вида психологического знания.

Что же касается различий между двумя «наполнителями» данной категории психологического знания, фактами и феноменами, то они очень релятивны. Одни и те же явления иногда называют фактами, иногда – феноменами. В то же время можно уловить тенденцию относить к категории феноменов наиболее «интересные» факты, содержащие в себе элементы неожиданности и парадоксальности, противоречащие как здравому смыслу, так и научным представлениям о человеческой психологии, предшествовавшим установлению этих феноменов. То есть феномены – это своего рода «привилегированные» факты, признанные особо значимыми и интересными для психологии, а следовательно, тоже прошедшие оценочную процедуру социализации знания.

Психологические факты и феномены как вид психологического знания органически дополняются такой его разновидностью, как *знание контекста* установления этих фактов и феноменов, а также условий их проявления.

Иногда в необходимости такого дополнения усматривают проявление ненадежности эмпирического знания психологии и его главное отличие от эмпирического знания точных наук. Когда физик утверждает, что все тела, обладающие массой, падают на землю, ему нет нужды уточнять, где, когда и при каких условиях эта закономерность была установлена, а психолог непременно должен указывать, какими методами и в какой стране проводилось исследование, насколько многочисленной была выборка, кто входил в ее состав и т.д. [Отметим, что подобная релятивность дисциплинарного знания, его большая зависимость от социокультурного контекста характерна и для других социогуманитарных наук (Ядов, 2003 и др.)].

Подобное представление верно лишь отчасти. В неклассической, а тем более в современной постнеклассической (Степин, 1989) науке описание результатов наблюдения всегда предполагает и описание *условий* этого наблюдения, а внеконтекстуального знания, абсолютно независимого от контекста его установления, вообще не существует. Таким образом, принципиальной, качественной разницы между психологией и точными науками в этом плане не существует. Однако количественная разница, безусловно, есть. Любой психологический феномен проявляется по-разному (или не проявляется вообще) в зависимости от специфики внешних и внутренних условий. Так, феномен неспровоцированной агрессии может проявляться, а может нет, объем нашей непосредственной памяти варьирует в пределах формулы 7 ± 2 в зависимости от нашего самочувствия, психологического настроения, сконцентрированности и т.п. И степень зависимости знания от контекста его установления в психологии, как и в других социогуманитарных науках, существенно больше, чем в науках естественных и технических.

В принципе, из-за сильной зависимости любых психологических феноменов от условий их проявления знание контекста можно было бы объединить со знанием о самих феноменах, которые всегда контекстуально обусловлены. Тем не менее, это разные виды знания хотя бы потому, что, с одной стороны, знание о феноменах всегда, в том числе и в точных науках, абстрагировано от знания контекста, с другой – знание контекста может быть отчуждено от знания о феноменах и представлено, например, в виде обобщений о том, как внешние и внутренние условия влияют на протекание психологических процессов.

Существенную часть психологического знания составляют эмпирически выявленные *корреляции между феноменами*, которые представляют собой наиболее простой и удобный для психологической науки способ упорядочения и организации психологической феноменологии. Поэтому неудивительно, что приращение эмпирического знания идет в психологии главным образом этим путем, а диссертации, где коэффициенты корреляции отсутствуют, являются большой редкостью.

Увлечение психологов установлением корреляций общеизвестно. Именно они представляют собой главный продукт союза психологии с математикой, в котором психология традиционно видела залог своей «научности». А слова, сказанные Д. Картрайтом в семидесятые годы прошлого века: «Может создаться впечатление, что психология вообще осталась бы не у дел, если бы не существовало метода анализа вариаций» (Cartright, 1979, p. 87), справедливы и по сей день. Психологическая наука может быть охарактеризована как «фабрика по производству корреляций», а типовое психологическое исследование, выполненное в соответствии с позитивистскими стандартами «научности», представляет собой вычисление корреляций между зависимыми и независимыми переменными, и именно на этих корреляциях базируются вытекающие из него обобщения.

Корреляции весьма неустойчивы: измерение корреляций между любыми двумя переменными в двух разных иссле-

дованиях наверняка даст несколько различающиеся результаты. В результате, как пишет В.М. Аллахвердов, «психологи-эмпирики, к сожалению, весьма редко проверяют, насколько, например, корреляции, обнаруженные ими в одном исследовании, воспроизводимы в другом. Но, видимо, догадываются, что такая проверка, скорее всего, привела бы их к удручающим результатам» (Аллахвердов, 2003, с. 195). Однако, в первых, собственно знанием, видимо, следует считать сам факт наличия корреляций, а не конкретные коэффициенты корреляции, которые уникальны в каждом конкретном случае их измерения. Во-вторых, это *релятивное* знание, сильно зависимое от контекста его установления. Но не более релятивное, чем большинство других видов знания в психологии и прочих социогуманитарных науках.

Корреляции принято считать «сырым», или первичным психологическим знанием, поскольку для придания им смысла они должны быть обобщены и проинтерпретированы в терминах стоящих за ними причинных связей. Однако после построения на базе корреляций знаний более высокого уровня – интерпретаций, обобщений и т.д. – корреляции не утрачивают самостоятельного смысла, оставаясь психологическим знанием. Нередко они становятся «публичным» знанием, подвергаясь обсуждению, проверке и переинтерпретациям.

Несмотря на то, что вычисление корреляций превратилось в психологии в некий ритуал, основанный не только на культуре математики, но и на давно устаревших позитивистских стандартах производства научного знания и соответствующем образе науки (Юревич, 2000), они продолжают играть очень важную роль. Установление корреляций, если оно осуществляется в достаточно продуманном смысловом контексте, действует как приращению психологического знания, так и приданию ему более связного вида. В определенном смысле можно сказать, что корреляции «склеивают» различные фрагменты психологического знания, соединяя его если не в единое целое, то, по крайней мере, во внутренне согласованные локусы.

Теоретически можно предположить, что путем накопления корреляций – установления корреляций между всеми возможными параметрами – можно построить и единую систему психологического знания, которая в таком случае была бы создана чисто эмпирическим путем. Однако подобный прогноз, скорее всего, вызовет лишь заслуженную иронию: корреляции позволяют «склеивать» знание лишь в пределах его локальных систем, соотнесение и объединение которых требует принципиально иного подхода.

В отличие от вычисления корреляций, *психологические описания* представляют собой мало формализованный способ установления связей между психическими явлениями (и фиксации самих явлений). Их иногда рассматривают как наиболее простой вид психологического знания и продукт первого этапа психологического познания. Однако нередко эти описания являются, напротив, конечным, а не начальным продуктом комплексного психологического анализа, включающего применение специальных методов. Например, социально-психологические исследования Дж. Хоманса (Homans, 1961) и др., признанные в психологической науке «классическими», увенчиваются именно описаниями комплексных психологических ситуаций и представляют собой не начальный, а завершающий этап исследовательского цикла. Таким, да и более простым описаниям трудно отказать и в статусе *знания*. Они всегда аналитичны, содержат элементы обобщений, акцентируют скрытые аспекты изучаемых явлений, вскрывают их механизмы, достаточно систематизированы и обладают другими атрибутами научного знания.

Психологические описания, авторами которых не являются профессиональные психологи, имеют другой статус. Широко распространено мнение о том, что наиболее удачные психологические описания принадлежат не психологам, а писателям. По мнению Ф. Хайндера, например, лучшие описания психологических ситуаций даны Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским (Heider, 1958). Психологи гуманистической ориентации считают подобные описания полноправной частью науч-

ного психологического знания. По мнению же психологов позитивистской ориентации, эти описания все-таки не научны, хотя, безусловно, полезны для научной психологии.

В целом же описания пронизывают в психологии, как, впрочем, и в любой другой науке, весь исследовательский цикл (симптоматично словосочетание «описание результатов исследования»), а не являются лишь его отправным пунктом, они входят в состав всех прочих элементов психологического знания и представляют собой его составляющую, не элиминируемую никакими позитивистскими процедурами. Степень же формализации и языки психологических описаний в значительной мере зависимы от общих «идеологий» психологического исследования, от теоретических, методологических и прочих ориентации психологов.

Исследовательский инструментарий научной психологии – *методы психологического исследования* – тоже можно включить в состав психологического знания. Хотя в позитивистских традициях принято считать, что методы любой науки – это не само знание, а лишь средство его получения, вся постпозитивистская рефлексия науки свидетельствует о том, что это не так.

Во-первых, любой метод представляет собой *знание о том, как получать знание*, т.е. одновременно является и самим знанием, и средством его получения, и при этом содержит значительный пласт информации *об условиях* его получения – о том, при каких обстоятельствах проявляется тот или иной феномен, какие факторы влияют на его проявление, как можно нивелировать их влияние и т.п. Подобная информация сродни знанию контекста, но отличается от него, представляя собой знание об условиях проявления того или иного феномена *в контексте воздействия на него со стороны экспериментатора*. Кроме того, абсолютно стандартизированных методов не существует, любой из них представляет собой ноу-хау, предполагающее значительную долю неформализованного личного знания. Наиболее ярким примером здесь может служить психоанализ, который, как уже говорилось, в плане воз-

действия на западное общество имеет много общего с религией, а в плане особенностей его применения больше напоминает искусство.

Во-вторых, как уже неоднократно отмечалось выше, любой метод всегда «теоретически нагружен», построен в рамках некоторой смысловой системы, является выражением базовых смыслов соответствующей теории и научной «идеологии», и, как хорошо известно из истории науки, даже результаты простого наблюдения описываются и интерпретируются в системе определенных смыслов, заданных общей теорией. Соответственно, психологические методики представляют собой результат конкретизации и операционализации того знания, которое содержится на уровнях психологических теорий и «идеологий». Продукты операционализации, выведенные из более общих положений, тоже представляют собой новый вид знания – подобно тому, как становятся новым знанием выведенные из общих утверждений гипотезы в случае их эмпирического подтверждения. Но при этом они содержат и некоторое дополнительное знание – например, о том, как общие положения теорий применяются в исследовательской практике, обеспечивая теориям обратную связь с этой практикой, в результате которой они нередко подвергаются если не опровержению (как было показано выше, сами по себе эмпирические факты «не опасны» для теорий), то во всяком случае уточнению и коррекции.

Таким образом, исследовательские методы психологии не только служат *средством* получения знания, но и сами содержат в себе разнообразные виды психологического знания, являясь его важной операционализированной разновидностью.

То же самое можно сказать и о методах прикладной психологии, которые часто называют «психологическими технологиями», хотя они имеют не только технологическую составляющую. *Психологические технологии* – это тоже операционализированный вид психологического знания, имеющий много общего с методическим знанием психологии, од-

нако отличающийся от него по целевому назначению: если в методах психологии содержится преимущественно знание о том, как *получать* психологическое знание, то в психологических технологиях – о том, как его *применять для решения практических задач*.

Накопление технологий сейчас является одним из главных направлений развития психологического знания. Как пишет А.Ш. Тхостов, в психологии «жалкое состояние теории стало еще более очевидным на фоне бурного развития инструментальных технологий» (Тхостов, 2002, с. 34). Что неудивительно, ведь, как справедливо отмечает В.А. Лекторский, практическое психологическое воздействие возможно и вне науки, и вне теории (Лекторский, 2001), заработать на нем можно существенно больше, и поэтому подавляющая часть отечественного, да и зарубежного психологического сообщества развивает именно технологии, а не фундаментальную психологическую науку и тем более не теорию.

Психологические технологии сейчас широко распространены в самых различных сферах социальной практики, а двадцать пятый кадр, детектор лжи и психотронное оружие (независимо от того, существует ли оно) благодаря беллетристике настолько прочно укоренились в массовом сознании, что стали для него одним из главных символов психологии как науки. Однако массовое сознание всегда усваивает наиболее яркое, а потому нетипичное. Приведенные примеры не являются типичными психологическими технологиями, поскольку эти технологии, как правило, не имеют материальных носителей, предполагают значительную долю неформализованного личного знания и представляют собой скорее ноу-хау, чем собственно технологии. О том, как привести к власти политика или улучшить психологический климат в организации, можно написать книгу, и не одну, эксплицировав в ней некоторую часть соответствующего неформализованного знания, но это знание нельзя представить в виде четкой и стройной технологии, подобной двадцать пятому кадру. Кроме того, сейчас уместнее говорить о психологической составляющей комплексных

социальных технологий (точнее, тоже ноу-хау), а не о собственно психологических технологиях.

Психологические технологии соотносятся с другими видами психологического знания достаточно сложно и неоднозначно, иногда абсолютно не соприкасаясь с ними, поэтому их можно считать операционализацией более фундаментальных видов психологического знания лишь с достаточной долей условности. Большинство психологических технологий строится в рамках общих психологических «идеологий», воплощая в себе основополагающие принципы последних. Поэтому различают психоаналитически ориентированную терапию, бихевиоральную терапию, гештальттерапию и др. Однако соответствующие системы технологий строятся путем операционализации не только лежащих в их основе общих систем психологического знания, но и личного опыта психотерапевтов, их здравого смысла и многого другого. Соотношение же психологических технологий с базовыми системами психологического знания весьма релятивно, что дает основания констатировать раскол, или «схизис» между исследовательской и практической психологией (Василюк, 2003), хотя в нынешних условиях, когда большинство отечественных «академических» психологов вынуждены подрабатывать в качестве практиков, глубину этого «схизиса» не следует и переоценивать. Происходит если не когнитивное, то, по крайней мере, социальное преодоление этого раскола, поскольку одни и те же люди занимаются и наукой, и практикой, в результате чего «диссоциированность» психологического сообщества, ярко описанная Ф.Е. Василюком (там же), постепенно отходит в прошлое.

В плане накопления знания, *заимствованного у смежных наук*, психология не является сколь-либо уникальной дисциплиной. В состав любого дисциплинарного знания входит знание, позаимствованное данной наукой у других научных дисциплин, причем, как правило, менее развитые науки заимствуют знание у более развитых, и, чем моложе дисциплина, тем больше в накопленном ею знании доля знания заимствованного.

Естественно, любая наука заимствует знание преимущественно у смежных дисциплин, изучающих схожие объекты. Соответственно, заимствованное знание психологии – это преимущественно знание, перешедшее в нее из философии, социологии, биологии, педагогики, а также «науки наук», «универсального языка» всех наук – математики. В этом легко убедиться на примере структуры психологического образования. Любой курс по истории психологии включает объемную философскую часть: историю психологических идей обычно ведут Платона и Аристотеля, прослеживая ее в философских системах Сенеки, Лукреция Кара, Б. Спинозы и др. Социально-психологические курсы охватывают социологические системы О. Конта, Ч. Спенсера и т.д., более того, по общему признанию этого недостаточно: концепции М. Вебера, П. Сорокина и др. тоже давно пора включить в систему психологического образования. Целый ряд разделов психологии, таких, как психофизиология и нейропсихология, широко используют биологическое знание, считая его «своим». Рассмотренные выше корреляции опираются на математическое знание о том, как их измерять. На стыке психологии и математики возникла математическая психология, на стыке психологии и социологии – социальная психология, на стыке психологии и педагогики – психология педагогическая. Список подобных примеров можно долго продолжать, в чем, разумеется, нет нужды.

Следует лишь отметить, что заимствованное знание практически никогда не ассимилируется научной дисциплиной в его исходном виде, а всегда видоизменяется ею в контексте ее собственных категорий и объяснительных принципов, что превращает это знание из «чужого» для этой дисциплины в «свое» для нее. Скажем, знания психологов о человеческом мозге, позаимствованные ими у биологии, включены в контекст соответствующих психологических знаний, например о высших психических функциях, что делает эти знания в значительной степени «психологизированными». То же самое происходит и с другими видами заимствованного знания, которое всегда является знанием *данной* науки, позаимствован-

ным ею у других дисциплин, но творчески переработанным ею и встроенным в систему ее собственных смыслов.

В условиях характерной для современной науки тенденции к меж- или кроссдисциплинарности в психологии возникают целые области междисциплинарного знания, например, такие, как политическая психология, которые в своей основной части укомплектованы знаниями смежных наук. Такие научные направления сейчас служат главными каналами междисциплинарного взаимовлияния, через которые осуществляется как междисциплинарный «импорт», так и междисциплинарный «экспорт» знания, а соответствующие направления приобретают характер скорее не меж-, а кросс- или наддисциплинарных областей науки.

1.3. Особенности психологического знания

Беглое рассмотрение структуры психологического знания позволяет не только систематизировать его, но и сделать ряд выводов относительно его характера и строения.

1. В структуре этого знания можно выделить компоненты, являющиеся стандартными составляющими любого научного знания и служащие «каркасом» системы познания в любой науке. Вместе с тем в психологии и строение этого каркаса, и некоторые его элементы обладают определенной спецификой. Например, большое значение имеют базовые «идеологии» и знание контекста, которые для многих наук мало актуальны.

2. Психологическое знание достаточно *бессистемно*. Выстроить какую-либо *единую* «пирамиду» этого знания не представляется возможным. В принципе, можно построить несколько таких «пирамид» – на идейно-методологических основаниях бихевиоризма, когнитивизма, психоанализа и др., каждая из которых будет стоять особняком. Но любая из подобных «локальных пирамид», скорее всего, окажется очень неустойчивой, ибо даже знание, накопленное в рамках одной идейно-методологической ориентации, трудно уложить в единую систему. А некоторые элементы психологического знания, например инструментальные технологии, могут вообще остаться за пределами таких конструкций.

3. Психологическое знание *релятивно*, причем можно выделить три основных слагаемых этой релятивности. Во-первых, то, что считается знанием в рамках одних психологических школ и направлений, далеко не всегда признается таковым с позиций других, т.е. психологическое знание неотделимо от определенного идейно-методологического контекста его производства. Во-вторых, оно неотъемлемо от определенного объекта и той социокультурной (макро- и микро-) среды, в которую он погружен, а знание, полученное применительно к одной культуре, часто оказывается неприменимой к другим культурам. В-третьих, психологическое знание ситуативно, т.е. зависит от конкретной ситуации его получения: скажем, коэффициенты корреляции, измеренные на одной и той же выборке спустя некоторое время, всегда оказываются несколько другими.

4. Психологическое знание в значительной степени зависит от процесса его *социализации*, т.е. от оформления психологического опыта в соответствии с определенными правилами. Не всякое психологическое знание признается собственно знанием: чтобы стать таковым, оно должно пройти достаточно длительную «социальную обработку», на которую далеко не у всех психологов, в том числе и у исследователей, хватает сил, времени и возможностей. В результате реальный массив психологического знания намного превосходит объем «официального» знания научной психологии. Во многом, поэтому создается впечатление (иногда верное, иногда нет), будто, например, практикующие психологи в своей работе опираются не на научное знание, а на смесь интуиции и обыденного опыта.

5. Все вышесказанное не означает, что психологическое знание эфемерно и мало похоже на знание точных наук. Психологическое знание – это тоже Знание (да простит читатель такую тавтологию), но, во-первых, знание плохо организованное, во-вторых, знание «скользящее», изменяющееся вслед за его постоянно изменяющимся объектом. В то же время неорганизованность, релятивность и бессистемность психологического знания не следует абсолютизировать.

В принципе любая книга по психологии – это определенным образом *организованное* психологическое знание. Однако это организованность особого рода, отличающаяся от типовой организации знания в точных науках и определяющаяся не столько онтологией изучаемых объектов (хотя и ею тоже), сколько потребностями познающего субъекта – в основном, потребностью психологического сообщества в облегчении понимания и изучения этих объектов.

Релятивность психологического знания тоже не следует переоценивать. Несмотря на его «скользящий» характер в нем остаются инвариантные и неизменные компоненты, например, психологические законы, хотя даже в этом случае инвариантность и неизменность понимаются несколько иначе (вспомним 7 ± 2), чем в естественных науках.

Исследователи, обеспокоенные состоянием психологического знания, могут избрать для себя одну из трех стратегий. Им придется либо смириться с «вечным кризисом» психологической науки, воспринимая ее как науку, находящуюся на допарадигмальной стадии развития и списывая все ее недостатки на недостаточный уровень ее развития, либо ждать формирования единой парадигмы, которая объединит психологическую науку и придаст психологическому знанию организованный, устойчивый и надситуативный характер, либо они могут попытаться найти нетрадиционные варианты организации психологического знания, не пытаясь выстроить его по образцу естественных наук.

Тема 3.

Философские основания психологии

Ломов Б.Ф. Некоторые принципы системного подхода в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984, с. 92–104

В литературе по проблемам системного подхода сформулировано немало общих принципов. Все они так или иначе могут (и должны) быть применены в психологических исследованиях. В данном параграфе дается лишь очень краткая характеристика тех из них, которые, с нашей точки зрения, являются для современного этапа развития психологической науки и построения ее общей теории наиболее важными.

Во-первых, системный подход в исследовании того или иного явления требует его рассмотрения в нескольких планах (или аспектах):

1) как некоторой качественной единицы, как системы, имеющей свои специфические закономерности; 2) как части своей видородовой макроструктуры, закономерностям которой оно подчиняется (здесь системой является макроструктура, в которую включено изучаемое явление); 3) в плане микросистем, закономерностям которых оно тоже подчиняется; 4) в плане его внешних взаимодействий, т.е. вместе с условиями его существования (изложено по: [11]).

Все эти планы можно выявить и в исследованиях психических явлений (процессов, состояний, функций и т.д.). Каждый из них часто выступает как особое направление или даже специальная дисциплина (см. первую главу). Когда исследуемое явление рассматривается как некоторая система (качественная единица), то главная задача здесь состоит в том, чтобы выявить «составляющие» этого явления и способ их организа-

ции. Именно в этом плане проводились (и проводятся) теоретические и экспериментальные исследования, нацеленные на вычленение процессов, из которых «складывается» психика, параметров психических состояний, свойств личности и т.д.

Но это направление позволяет изучить лишь одну сторону дела, психическое как система раскрывается лишь частично, поскольку здесь еще не вскрывается то общее, что свойственно всем психическим явлениям. Поэтому возникает другой план исследования, другое направление, рассматривающее психику в отношении к видородовой макросистеме: она изучается в контексте всех других форм отражения. Это позволяет раскрыть ее специфику как особой формы отражения, а вместе с тем уточнить (и нередко весьма существенно) представление о ее «составляющих» и способе их организации.

Следующий план включает изучение нейрональных процессов, которые по отношению к психическому можно рассматривать как микросистему. Более глубокое движение в этом направлении приводит к необходимости исследования биофизических и биохимических процессов.

Наконец, психика исследуется в связи с условиями ее формирования и развития, т.е. в контексте жизнедеятельности человека, его образа жизни [Значение категории «образ жизни», дающей интегральную характеристику способа бытия человека, для психологического исследования подчеркивается Е.В. Шороховой [22].] (в отношении животных – в контексте их поведения и способа существования в целом). Здесь главная задача состоит в том, чтобы выяснить, каким образом психическое включено в реальную жизнь и какие свойства благодаря этому оно обретает. Без решения этой задачи невозможно раскрыть системную детерминацию психического развития.

Результаты, получаемые в исследованиях каждого из перечисленных планов, взаимно дополняют друг друга. Важно подчеркнуть, что только сочетание всех этих планов позволяет раскрыть объективно действительную картину психического как целостности и выявить механизмы ее интеграции. Было

бы неверно, например, первый и третий планы исследования связывать только с анализом, а второй и четвертый – с синтезом. Каждый из них предполагает диалектическое сочетание анализа и синтеза. Главное здесь в том, что эти планы позволяют раскрывать разные «масштабы» организации психического, а в этой связи вычлняются и разные его свойства.

Во-вторых, когда мы рассматриваем психические явления в какой-либо одной системе координат и абстрагируемся от их других измерений, то, естественно, выявляется только какой-то один ряд свойств, получается как бы срез в какой-то одной плоскости. Такая абстракция, конечно, правомерна в целях научного познания, но нужно всегда помнить, что это – абстракция, которая позволяет охватить лишь одну сторону психических явлений. Понять по этому срезу изучаемое явление в целом так же невозможно, как невозможно восстановить сложное объемное тело по изображению одной-единственной его проекции на плоскость. Так, психофизические исследования восприятия дают нам один срез, психофизиологические – другой, исследования восприятия в контексте деятельности – третий и т.д. Ни одним из них восприятие не исчерпывается полностью. Попытки распространить выводы, полученные при его изучении в каком-либо одном аспекте, на все остальные обычно к успеху не приводят. Не удастся, например, раскрыть такие характеристики человеческого восприятия, как апперцепция или осмысленность и категориальность, исходя только из классических психофизиологических закономерностей.

В исследованиях даже какого-либо одного из упомянутых выше измерений нередко обнаруживается, что в реальном процессе восприятия выбранное измерение как бы «расщепляется». Так, в психофизических исследованиях слухового восприятия уже давно обращали внимание на то, что испытуемые при различении тональных сигналов пользуются некоторыми дополнительными (по отношению к заданному в эксперименте) признаками звучаний (Штумпф, Рис, Стивене и др.). Систематически этот феномен исследовали К.В. Бардин, Т.П. Горбачева, В.А. Садов и Н.В. Цзен [4]. Они показали,

что данный феномен не случаен, как думали прежде, а в определенных условиях возникает необходимым образом. Даже элементарное ощущение, вызываемое простым физически одномерным стимулом (звучанием чистого тона), многомерно. Что является основанием «дополнительных измерений»? Особенности работы воспринимающей системы, как думал Р. Вудвортс, или что-либо другое? – пока сказать трудно. Но самый факт многомерности элементарного ощущения несомненен. Еще отчетливее многомерность обнаруживается в процессах опознания. Как показали наши исследования, опознавая относительно простые объекты, человек пользуется системой «скользящих» признаков [12]. О многомерности процессов опознания свидетельствуют также данные М.С. Шехтера [21]. Теоретически идея многомерности сенсорного пространства, вытекающей из его отражательной природы, была обоснована Ю.М. Забродиным [7; 8].

В каждом из направлений, изучающих сенсорно-перцептивные процессы, разработаны свои меры и свои способы измерения. Связать их в единый узел, понять взаимоотношения между разными измерениями, найти некоторую единую точку отсчета – дело чрезвычайно трудное. Не менее трудно выявить действительные основания каждого измерения. И это касается не только сенсорно-перцептивных, но и других психических процессов, а тем более психических состояний и психических свойств личности.

Современные данные позволяют утверждать, что психические явления по существу своему многомерны, и именно как к многомерным к ним и нужно подходить.

В-третьих, система психических явлений многоуровневая и, по-видимому, строится иерархически. Она включает ряд подсистем, обладающих различными функциональными качествами. Можно выделить три основные неразрывно взаимосвязанные подсистемы: когнитивную, в которой реализуется функция познания; регулятивную, обеспечивающую регуляцию деятельности и поведения; коммуникативную, формирующуюся и реализующуюся в процессе общения человека с

другими людьми. В свою очередь, каждая из этих подсистем может быть расчленена далее. Так, когнитивная система, наиболее изученная в психологии, включает сенсорно-перцептивный, «представленческий» и речемыслительный уровни. К сожалению, регулятивная и особенно коммуникативная подсистемы изучены пока еще слабо.

Данный принцип справедлив в отношении не только системы психических явлений в целом, но также отдельных психических процессов и состояний.

Многоуровневость психических процессов может быть показана, в частности, на примере антиципации, т.е. психического процесса, обеспечивающего возможность принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением событий, «с забеганием вперед». Проблема антиципации привлекала особенно большое внимание исследователей в то время, когда психология еще только начинала формироваться как самостоятельная наука. Позднее она почти исчезла из психологии. Однако в последние десятилетия интерес к ней возобновился. Это связано, с одной стороны, с практическими задачами, которые ставятся перед психологией жизнью, а с другой – с потребностями развития самой теории психологической науки.

Проведенные нами совместно с Е. Н. Сурковым экспериментальные исследования, а также систематизация литературных данных позволили выделить по крайней мере пять основных уровней антиципации: подсознательный (неосознаваемый, в частности, субсенсорный), сенсомоторный, перцептивный, «представленческий» (уровень представлений), речемыслительный.

По существу это – разные уровни интеграции процессов приема и переработки информации, разные уровни проявления когнитивной и регулятивной функций психики.

Субсенсорный уровень антиципации – это уровень неосознаваемых нервно-мышечных преднастроек и движений, обеспечивающих многообразные тонические и познотонические эффекты, с которыми связано выполнение предстоящего дей-

ствия. Этот уровень проявляется в преднастрочной фазе движений, в моменты изменения позы, в идеомоторных актах, в компенсаторных реакциях (например, при внезапной потере равновесия).

Субсенсорный уровень антиципации обеспечивает стабилизацию позы, ее устойчивость перед началом действия, а также потенциальную готовность реализации моторных программ.

Ко второму уровню антиципации относятся *сенсомоторные процессы*. В экспериментальной психологии накоплена масса фактов, указывающих на эффекты антиципации в структуре простых реакций, а также реакций с выбором (так называемых дизъюнктивных). Они проявляются в «компенсации» латентных периодов и учете вероятностей появления сигналов. Антиципация здесь обеспечивает своевременность реакций, а также их упорядоченность по критерию быстрогодействия.

Весьма отчетливо антиципация этого уровня проявляется в реакциях на движущийся объект. Существенное значение она имеет в действиях человека, работающего в режиме слежения [6]. Наконец, к сенсомоторному уровню относятся все те эффекты антиципации, которые включаются в сложные координации двигательных актов.

Антиципация этого уровня обеспечивает точность движений по критерию быстрогодействия и их согласованность с изменениями окружающей среды в пространстве и времени.

Третий уровень – *перцептивная антиципация*. Тот факт, что в процессе восприятия так или иначе используется прошлый опыт человека, уже давно установлен в психологических исследованиях: восприятие всегда включает мнемические процессы. Но не меньшее значение в нем имеет и антиципация. Восприятие объекта в данный момент времени и в данном месте «строится» с учетом не только его прошлого, но и его будущих изменений в пространстве и времени.

Основная функция антиципации на этом уровне состоит в том, что она обеспечивает организацию и реорганизацию перцептивных данных в соответствии с задачей деятельности.

Четвертый уровень – это уровень *представлений* («представленческий»). Такие особенности представлений, как масштабные преобразования пространства и времени, комбинации и рекомбинации образов и т.д. (см. главу третью), проявляются и в специфике процессов антиципации этого уровня, увеличивая их «разрешающую способность». В деятельности человека формируются антиципационные схемы, которые обеспечивают упреждающее планирование не только реальных, но и потенциальных действий; и в этом состоит важнейшая характеристика антиципации данного уровня.

Наконец, наиболее высокий уровень антиципации – это *уровень речемыслительных процессов*. Именно на этом уровне прогнозирование событий и планирование поведения (и деятельности) выступают в своей наиболее развитой форме. Обобщения и абстракции, логические приемы и счетные операции обеспечивают качественно новую ступень в развитии процессов антиципации.

Дальность антиципации на уровне речемыслительных процессов весьма существенно увеличивается. Одной из его особенностей является то, что процессы антиципации могут «разворачиваться» в направлении как от настоящего к будущему, так и от будущего к настоящему (и прошлому); от начального момента Деятельности к конечному, и наоборот.

Сопоставление характеристик перечисленных уровней антиципации (по экспериментальным данным) позволяет сделать некоторые общие выводы: во-первых, каждый уровень антиципации соответствует определенному уровню сложности решаемых задач; во-вторых, на каждом уровне дальность, «разрешающая способность» антиципации различна; при переходе от субсенсорного к сенсомоторному, а от него к перцептивному и далее к «представленческому» и речемыслительному она прогрессивно возрастает; в-третьих, при переходе от уровня к уровню усложняются структура процесса антиципации, а также способ интеграции используемой информации.

В реальной деятельности человека все перечисленные уровни антиципации взаимосвязаны. Однако в зависимости

от конкретной задачи и условий один из них оказывается ведущим. Он определяет специфику комбинации всех остальных уровней (подробнее уровни антиципации в структуре деятельности описаны в [13]).

Другие примеры уровней психических процессов выявлены в исследованиях принятия решений [19], мышления [15], творчества [17].

Нужно отметить, что связи между разными уровнями (и разными подсистемами) психики неоднозначны и характеризуются высокой динамичностью. Это создает один из наиболее трудных моментов их системного анализа. С этими трудностями сталкиваются, когда пытаются, например, «наложить» психические процессы на «нейрофизиологическую канву» или описать психические состояния человека при помощи корреляций между психологическими и физиологическими показателями.

Важнейшим условием выявления взаимоотношений между разными подсистемами и уровнями в каждом конкретном случае является определение «системообразующего фактора» (Анохин [3], Кузьмин [11]), который позволяет объединить в целостную функционально-динамическую систему различные механизмы.

Принцип системного подхода, требующий выделения уровней в сложных системах, имеет для психологии весьма большое значение. Непонимание (или игнорирование) уровня «строения» психики приводит к упрощенной ее трактовке, к представлению о ней как некоторой аморфной, диффузной целостности, к смазыванию специфики различных психических явлений. При этом часто происходит неоправданное расширение сферы действия тех или иных частных законов; случайное и эпизодическое выдается за необходимое и устойчивое и т.д.

Напротив, выявление действительных уровней психики (поуровневый анализ) позволяет описать ее как организованную целостность, определить место и роль любого психического феномена в системе, вскрыть отношения между законами

разного порядка, отделить существенное и устойчивое от кажущегося и случайного. В русле поуровневого анализа может быть раскрыта многомерность психического явления, основания каждого из его измерений и взаимосвязи между ними.

К сожалению, пока еще в психологии не разработаны достаточно четкие критерии выделения уровней психики. В одних случаях в качестве таких критериев берутся формы психического отражения, в других – способы организации регулятивных или коммуникативных функций, в-третьих – тип взаимодействия человека с внешним миром и т.д. Конечно, каждый из этих критериев позволяет решать определенный круг научных задач. Однако по мере того как эти задачи решаются, возникает необходимость разработки системы взаимосвязанных критериев.

Существенной характеристикой многоуровневых систем является относительная автономия каждого из входящих в нее уровней и их определенная соподчиненность. Это составляет важнейшее условие саморегуляции системы. От того, какие именно уровни формируются в системе и как они связаны друг с другом (какой из них является в данных условиях ведущим, а какие – подчиненными), зависит оперативность и эффективность регуляции.

Уровневое строение системы обеспечивает возможность образования механизма трансформации эффектов, вызываемых воздействиями на нее: в частности, усиления или ослабления (когда малые причины вызывают большой эффект, или наоборот). В определенных условиях (при нарушении согласованности уровней, требуемой данными конкретными обстоятельствами) возможно искажение эффекта: перцептивные, мнемические, мыслительные ошибки, ошибочные действия и т. п. В крайних случаях возникают извращения эффекта (например, галлюцинации).

В исследовании психического как системы наиболее распространенным является путь от ее, так сказать, нижних этажей к вышележащим (от сравнительно элементарных подсистем к более сложным). Но продуктивным может быть и

другой путь – от верхних (организующих) уровней и подсистем к нижележащим (обслуживающим). Например, в изучении деятельности путь от вектора «мотив–цель» к анализу механизмов, лежащих в ее основе.

Многоуровневость психического заставляет полагать, что определяющие его закономерности имеют разный порядок. Существуют, по-видимому, закономерности общие, действующие на всех уровнях и во всех подсистемах. Их действие для разных уровней (подсистем) в силу различия условий проявления различно. Но имеются также и специфические закономерности, относящиеся только к определенному уровню (подсистеме). Однако вопрос о законах психических феноменов является особым вопросом. Он будет рассмотрен в следующем параграфе.

В-четвертых, при описании психических свойств человека важно иметь в виду множественность тех отношений, в которых он существует (что уже отмечалось неоднократно). Этим обуславливается разнопорядковость его свойств. К сожалению, вопрос об их порядках еще не разработан. Нередко при описании свойств человека в один ряд попадают характеристики чувствительности анализаторов, свойств нервной системы и темперамента, черт характера, способностей и т.д. Конечно, во всем этом имеются некоторые общие признаки. Но, и это важно подчеркнуть, основания этих признаков различны. Поэтому возникает необходимость разработки системной многомерной классификации свойств человека, в том числе и психологических, что составляет специальную научную задачу.

Можно, по-видимому, говорить о таких свойствах, которые являются собственными свойствами индивида (понятие «собственные свойства», конечно, относительно). Это свойства, так сказать, первого порядка. В.Д. Небылицын обозначал их как натуральные, природные. Вероятно, к ним можно отнести характеристики чувствительности анализаторов, свойства нервной системы, оцениваемые по параметрам, например силы и динамичности нервных процессов (Теплов [20], Небылицын [16] и др.). Кстати, исследования Небылицына

позволили ему выделить общие и парциальные свойства нервной системы. Он отмечал также необходимость различения ее первичных и вторичных свойств. Конечно, упомянутые свойства не являются собственно психологическими. Это – психофизиологические или даже, скорее, физиологические свойства. Однако они лежат в основании свойств собственно психологических.

Вероятно, следует также выделить свойства системные, которые существуют лишь постольку, поскольку индивид принадлежит определенной системе. Так, вряд ли было бы правильно относить к категории свойств первого порядка те, по которым характеризуются способности человека. Эти свойства более высокого порядка. Их основания раскрываются только через анализ деятельности индивида (при этом, подчеркнем, общественно-исторически сложившейся деятельности, которой овладевает индивид). Вне этой системы говорить о способностях затруднительно.

В свою очередь, системные свойства могут быть разделены на моносистемные и полисистемные. Первые из них раскрываются через анализ некоторой одной определенной системы (социальной или биологической). Вторые требуют исследования многих и часто при этом различных по сути систем, в которые включен индивид.

Таким образом, выявляется как бы пирамида свойства. К сожалению, пока еще не имеется удовлетворительной концепции, раскрывающей систему психологических свойств различных порядков, основания каждого из них и их соотношения. Разработка такой концепции является, с нашей точки зрения, одной из актуальнейших задач психологической науки (более широко: всей системы наук о человеке). Она вряд ли может быть осуществлена силами только психологии. Здесь необходима ее кооперация с физиологией, генетикой, вообще с биологией человека, с одной стороны, и с общественными науками – с другой. Разработка единой концепции (научной классификации), раскрывающей соотношения свойств человека, начиная от материально-структурных и до системных

включительно, с выделением разных порядков в каждой категории, пожалуй, могла бы сыграть в психологии (в науках о человеке вообще) не меньшую роль, чем, например, Периодическая система Менделеева – в химии.

В-пятых, системный подход требует иного (чем тот, с которым мы часто встречаемся) понимания детерминации психических явлений. В психологии довольно широкое распространение получило линейное представление о детерминизме («линейный детерминизм»). Имеется в виду стремление представить причины и следствия в виде одномерной цепочки. Это представление, взятое из классической механики, наиболее отчетливо выступает в бихевиористских концепциях. Если оно и оказалось полезным, то лишь для объяснения ограниченного круга изучаемых психологией явлений.

Но принцип «линейного детерминизма» уже не может удовлетворить современную психологическую науку [Говоря о неудовлетворительности принципа «линейного детерминизма», все же нужно отметить, что он сыграл существенную роль в становлении психологии как науки. Хотя этот принцип весьма сильно упрощает действительное положение вещей, его применение в исследовании психики означало отказ от индетерминистских позиций, долгое время господствовавших в умозрительных построениях психологических концепций, и переход на позиции детерминизма]. Накапливаемые в ней данные все более убедительно показывают, что в действительности дело обстоит намного сложнее, чем это кажется с позиций упомянутого принципа.

Высказанные выше суждения о разных планах психики как системы, многоуровневом ее строении, разных порядках психических свойств и многомерности психических явлений имеют самое прямое отношение и к проблеме детерминации.

Очевидно, что и детерминация реально выступает как многоплановая, многоуровневая, многомерная, включающая явления разных (многих) порядков, т.е. как системная.

В исследовании детерминации психики системный подход требует, прежде всего, выделения той целостной матери-

альной системы, в «пространстве» которой она осуществляется. Но, как было показано выше, способ существования человека является полисистемным. Это, конечно, создает очень большие трудности в определении упомянутого «пространства». В связи с этим в психологических исследованиях очень часто возникает невероятная путаница: или неправомерное расширение границ какой-либо одной системы или соскальзывание от одной из них к другой и т.д. Нередко пытаются все многообразие психических явлений объяснить некоторой одной единственной, универсальной формой детерминации.

Например, очень часто пытаются всюду (от самых простых и до самых сложных психических явлений) искать только социальную обусловленность. Конечно, человек – это социальное существо. Но значит ли это, что в его психике все без остатка может быть объяснено социальной детерминацией и только ею? Точно так же неправомерно все в психике человека пытаться объяснять биологической (или, более широко, природной) детерминацией. И в том и в другом случае действительная картина окажется искаженной.

Как именно конкретно соотносятся социальная и биологическая детерминации в психике человека? Этот вопрос сейчас является одним из основных. Вряд ли можно найти некоторый универсальный ответ на него. По-видимому, в разных условиях жизнедеятельности человека, на разных этапах его развития (и филогенетического и онтогенетического), относительно к разным уровням и к разным измерениям психических явлений соотношение социальной и биологической детерминаций складывается по-разному. Вероятно, можно говорить о разных типах этих соотношений и о разных конкретных формах их проявления.

Нередко детерминация трактуется только в плане причинно-следственных связей. Конечно, исследование этих связей чрезвычайно важно. Но детерминизм не сводится к признанию только какого-либо одного вида связей (отношений), которые вызывают, определяют, обуславливают возникновение и существование тех или иных явлений. <...>

В изучении явлений каузальное объяснение раскрывает связи причин и следствий. Однако они не исчерпывают всего богатства и многообразия связей между явлениями. При этом важно подчеркнуть, что связь между причиной и следствием не является жесткой и однозначной. То, что в одних обстоятельствах выступает как следствие, в других может оказаться причиной.

В исследованиях детерминации психических явлений (как и любых других) приходится иметь дело не только с каузальными связями, но и со связями, определяемыми понятиями «условие», «фактор», «основание», «предпосылка», «опосредствование» и др., соотношения между которыми также диалектичны (см.: [14]).

Нельзя сказать, что в психологии имеется ясное понимание различных типов связей (и отношений), раскрывающих достаточно полно детерминацию психических явлений.

К проблеме детерминизма в психологии мы еще вернемся. Сейчас отметим только, что детерминистское понимание психических явлений не сводится к объяснению отдельных эффектов, возникающих в данный момент и в данных условиях, под влиянием каких-либо локальных, эпизодических взаимодействий. Оно требует исследования развития явлений (и их систем), в ходе которого возникают качественно новые свойства. При этом имеются в виду как детерминация развития, так и развитие детерминации [Ограниченность «линейного детерминизма» состоит, в частности, и в том, что он не знает развития и не может объяснить появления новых качеств. Он является лишь некоторым предельным и частным случаем детерминизма (частным случаем является и вероятностный детерминизм).].

Системный подход (и это – *в-шестых*) требует рассматривать явления в их развитии. Он необходимым образом основывается на принципе развития. С последним так или иначе связаны все перечисленные выше принципы. Многоплановость исследования психических явлений, их многомерность и многоуровневый характер, сочетание свойств различного порядка, сложное строение детерминации могут быть раскрыты

только тогда, когда система рассматривается в развитии. Самое существование системы состоит в ее развитии [Статическая система является лишь моментом развития.].

Ни целостность, ни дифференцированность системы не могут быть поняты вне анализа ее развития. Целостность (и особенности ее дифференцированности) и формируется и разрушается в ходе развития.

Для психологии принцип развития имеет особенно большое значение, поскольку изучаемые ею явления отличаются исключительно высокой динамичностью. Психическое возникает, существует и изменяется в процессе реального развития той системы, свойством которой оно является. Этот принцип давно уже утвердился в советской психологии как важнейший (см.: [18]).

Не будем здесь специально разбирать этот принцип (что потребовало бы особой книги). Отметим лишь некоторые моменты, важные для системного анализа психики.

Одна из первейших и вместе с тем труднейших задач – это определение той системы, в границах которой осуществляется развитие психики. Здесь мы сталкиваемся с теми же трудностями, о которых говорилось в связи с принципом детерминизма.

В общем можно было бы сказать, что такой системой является человек (если речь идет о психике человека). Это значит, что развитие психики может быть понято только в контексте изучения развития человека. Иначе говоря, теория развития психики должна опираться на теорию развития человека в целом, во всех его отношениях и проявлениях.

Но, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, человек выступает как компонент ряда систем, поэтому и его развитие должно рассматриваться как полисистемный процесс.

В реальном процессе развития диалектически соединяются преемственность и появление нового, тождество и различие, стабильность и изменчивость. Но как именно осуществляется преемственность в психическом развитии и почему возникает новое? Чем обеспечивается тождество и стабиль-

ность тех или иных психических свойств человека, а чем обусловлены различия и изменчивость? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть психическое развитие человека в связи с развитием системы (систем), которой (которым) он принадлежит.

Процесс развития человека и его психики детерминируется многими причинами, факторами и условиями. Их комбинация образует весьма сложную систему. При этом обнаруживается, что одни причины (факторы и условия) действуют в одном направлении, другие – в другом, нередко прямо противоположном первому. При определенных обстоятельствах это может привести к «распатыванию» системы, «размазыванию» процесса ее развития.

В этой связи возникает вопрос **о мере в соотношении различных причин, факторов и условий**, а также выявлении на этой основе стабилизирующей детерминации, т.е. такой комбинации внешних и внутренних детерминант, которая обеспечивает устойчивость и относительную автономность развивающейся системы.

В советской психологии прочно утвердились методологические положения о том, что психическое развитие не сводится только к количественным изменениям, что оно неизбежно включает также изменения качественные, что в нем диалектически объединяются прерывное и непрерывное и др. (см.: [5; 18]).

Однако в конкретных исследованиях далеко не всегда раскрываются основания качественных изменений. Иногда процесс психического развития трактуется односторонне: дело представляется так, как будто бы он на всем протяжении определяется одной-единственной детерминантой, пытаются все многообразие психических качеств человека вывести из одного-единственного основания. Чаще всего психическое развитие рассматривается только в социальном плане. Конечно, этот план исключительно важен. Но развитие человека – это многосторонний процесс. В ходе этого процесса происходит **смена его детерминант**, а вместе с тем и смена системных

оснований психических качеств. Это выражается в том, что на разных стадиях развития формируются и разные качества.

Так, на самых ранних стадиях онтогенеза развитие подчинено биологическим закономерностям, и именно они детерминируют формирование определенной системы качеств. Если социальные основания как-то и выступают здесь, то лишь опосредствованно, как факторы «внешние» по отношению к самому процессу развития. Позднее они приобретают все большее значение и, наконец, превращаются в ведущие детерминанты развития. Это не значит, однако, что биологические закономерности перестают играть в психическом развитии какую-либо роль. Линия биологического развития продолжается в течение всей жизни человека, но ее роль и место в этой жизни изменяются. По-видимому, соотношения биологического и социального оснований в психическом развитии складываются по-разному на разных его стадиях и применительно к разным уровням.

Предпосылкой возникновения новых качеств являются изменения структуры и функций развивающихся систем. Здесь возможны различные варианты. Один из них состоит в том, что две (или более) системы, возникшие относительно независимо друг от друга для выполнения разных функций, вступают между собой во взаимодействие. Они образуют новое функциональное единство, становясь его подсистемами. Это объединение порождает и новое качество. Данное общее положение было раскрыто Кликсом на примерах анализа механизма «следов» памяти во внутренних биохимических структурах, формирования предметных действий у человека, взаимосвязи мотивации и познания, решения задач и творчества (см.: [23]). Новое качество возникает и при включении какой-либо частной системы в другую более общую. Примером здесь может быть концепция включения, предложенная А.А. Крыловым на основе исследования так называемых совмещенных действий [10].

Другой вариант – это дифференциация системы, например, выделение какого-либо ее компонента и превращение его в относительно самостоятельную систему. Здесь также

возникает новое качество. Специфическим способом реализации этого варианта является образование систем на основе механизма компенсации.

Иначе говоря, новые качества возникают не только при интеграции систем в новое функциональное единство, но и при его разделении, которое также приводит к формированию новых функциональных структур. В реальном процессе психического развития оба варианта – интеграции и дифференциации – выступают в диалектической взаимосвязи (см., например: [1]).

В целом, в ходе поступательного развития происходит закономерное расширение его общего основания, а соответственно возрастание многообразия качеств [11].

Когда речь идет о психическом развитии человека, его обычно рассматривают в макрогенетическом аспекте (в плане макросистемного анализа), выявляя при этом его качественные этапы, ступени, сопоставимые с длительностью человеческой жизни. Между тем внутри этих ступеней также происходят изменения, ведущие к накоплению нового качества (см.: [2]). Даже каждый отдельный психический акт не протекает сам по себе; он включен в общий процесс развития. В этой связи макрогенетический аспект должен быть дополнен аспектом микрогенетическим, раскрывающим процессы формирования образов, усвоения отдельных понятий, действий и т.д. Сочетание этих двух аспектов позволит раскрыть, каким образом происходит накопление изменений и создается возможность перехода к новой качественной ступени развития. Эти два плана на примере умственного развития рассмотрены в работах Д.Н. Завалишиной [9].

Таким образом, психическое развитие выступает как многосторонний процесс, протекающий на разных уровнях, включающий как макро-, так и микрогенетические изменения, интеграцию и дифференциацию системы и ее функций. В ходе этого процесса происходит смена детерминант и оснований психических качеств человека.

В заключение характеристики принципа развития несколько слов о противоречиях. В советской психологии уже

давно утвердилось диалектико-материалистическое положение о том, что движущей силой развития является борьба и единство противоречий (противоположностей). Правда, конкретные исследования нередко направлены на поиски некоторого одного-единственного противоречия, которое могло бы дать универсальное объяснение всему, что происходит в процессе психического развития человека. При этом иногда получается очень бедная абстракция вроде утверждения о том, что движущей силой психического развития является противоречие между тем, чего человек достиг, и тем, что от него требуется. Конечно, это утверждение справедливо. Противоречие между требуемым и достигнутым есть, и оно является движущей силой развития. Но данное утверждение не раскрывает той сложности, многосторонности развития и многообразия его вариантов, с которыми мы сталкиваемся в реальной жизни. Оно не обеспечивает также и достаточно конструктивного подхода к решению практических задач.

Из всего сказанного выше о многомерности психических явлений, их уровнях и системной детерминации вытекает, что в процессе психического развития возникает, развивается и разрешается множество различных противоречий. Это могут быть противоречия между разными измерениями (характеристиками) психических явлений, между их разными уровнями, между разными порядками свойств. Это могут быть противоречия между причинами и условиями, внешними и внутренними факторами, между системами и подсистемами психики. Сюда относятся также противоречия между общностями, которым принадлежит индивид, между социальными и биологическими основаниями его качеств и др.

Разрешение противоречий может осуществляться также различными путями. В одних случаях это происходит путем перестройки всей системы психики в целом; в других – «по частям», последовательно.

При этом развитие включает не только линию прогресса (восходящее развитие от низшего к высшему), но и регресса (от высшего к низшему), а также тупиковые линии. Оно не

сводится только к формированию новых образований, но и предполагает разрушение тех, которые сложились прежде, но на определенной стадии стали «тормозом».

В сложной «мозаике» реальных противоречий психического развития не всегда *легко* выявить ведущее. Но именно в том, чтобы раскрыть в сложной системе противоречий ведущее, определяющее общую картину психического развития на данной ступени и в данных конкретных условиях, и состоит главная задача системного психологического исследования.

<...>

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2-х т. – М.: Педагогика, 1980.
3. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М.: Медицина, 1975.
4. Бардин К.В., Горбачева Т.П., Садов В.А., Цзен Н.В. Явление компенсаторного различения // Вопр. психологии, №4, 1983, с. 113–119.
5. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979.
6. Водлозеров В.М. К вопросу о перцептивном предвосхищении как одном из механизмов слежения // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 1, – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968 с. 36–47.
7. Забродин Ю.М., Носуленко В.Н. Особенности оценки громкости тональных сигналов в условиях общения.// Вопр. психологии, , №4, 1979, с. 118–121.
8. Забродин Ю.М., Фришман Е.З., Шляхтин Г.С. Особенности решения сенсорных задач человеком. – М.: Наука, 1981
9. Завалишина Д.Н. Системный анализ мышления // Психол. журн., №3, 1983, с. 3–11.

10. Крылов А.А. Человек в автоматизированных системах управления. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.

11. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1980.

12. Ломов Б.Ф. О структуре процесса опознания сигнала // Материалы XVIII Междунар. конгр. по психологии: Обнаружение и опознание сигнала. Симпоз. 16. – М.: О-во психологов, 1966, с. 135–142.

13. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. – М.: Наука, 1980.

14. Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М.: Наука, 1982.

15. Мышление: процесс, деятельность, общение./ Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: Наука, 1983. 287.

16. Небылицын В.Д. Основные свойства нервной системы. – М.: Просвещение, 1966.

17. Пономарев Я.А. Психология творчества. – М.: Наука, 1976.

18. Принцип развития в психологии./ Отв. ред. Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1978.

19. Проблемы принятия решения./ Отв. ред. П.К. Анохин, В.Ф. Рубахин. – М.: Наука, 1976.

20. Теплое Б.М. Проблемы индивидуальных различий. – М., 1961.

21. Шехтвр М.С. Проблемы опознания./ / Познавательные процессы: ощущения, восприятие. – М.: Педагогика, 1982, с. 300–327.

22. Шорохова Е.В. Психология личности и образ жизни // Личность в системе коллективных отношений./ Под ред. А.А. Бодалева. – М., 1980.

23. Klix F. Erwachendes Denken. Eine Entwicklungsgeschichte der menschlichen Intelligenz. В.: VEB. Dt. Verl. Wiss., 1982.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Категориальный строй психологии // Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998, с. 16–22

Посредством выявления категориального строя историзм психологического анализа дает историку психологии возможность перейти на позиции разработчика теоретической психологии.

Формулируя в качестве одного из принципов теоретической психологии *принцип открытости* категориального строя, исследователи получают возможность расширить базисные категории за счет психологического осмысления других понятий, фигурирующих в психологии, и, таким образом, могут быть построены новые диады: базисная категория – метапсихологическая категория. Так, например, к четырем базисным категориям, впервые введенным М.Г. Ярошевским при характеристике категориального строя психологии, в настоящей книге присоединяются еще две – «переживание» и «индивид». Метапсихологическое развитие этих категорий (на основе других, базисных) может быть найдено, соответственно, в таких категориях, как «чувство» и «Я».

Итак, в данный момент разработки проблем теоретической психологии может быть отмечена возможность восходящего движения конкретизации базисных психологических категорий в направлении метапсихологических категорий различной степени обобщенности и конкретности. Вырисовывается следующий ряд *гипотетических* соответствий между базисными и метапсихологическими категориями:

Образ → Сознание
Мотив → Ценность
Переживание → Чувство
Действие → Деятельность
Отношение → Общение
Индивид → Я

Определяемое ниже соотношение базисных и метапсихологических категорий может быть осмыслено следующим образом: в каждой метапсихологической категории раскрывается некоторая базисная психологическая категория через соотношение ее с другими базисными категориями (что позволяет выявить заключенное в ней «системное качество»). В то время как в каждой из базисных категорий каждая другая базисная категория существует скрыто, «свернуто», каждая метапсихологическая категория представляет собой «развертку» этих латентных образований. Взаимоотношения между базисными категориями психологии можно сравнить со взаимоотношениями лейбнизианских монад: каждая отражает каждую. Если же попытаться метафорически выразить взаимоотношения между базисными и метапсихологическими категориями, то будет уместно вспомнить о голограмме: «часть голограммы (базисная категория) заключает в себе целое (метапсихологическая категория)». Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любой фрагмент этой «голограммы» под определенным углом зрения.

В логическом отношении каждая метапсихологическая категория представляет собой субъект-предикативную конструкцию, в которой положение субъекта занимает некоторая базисная категория (один из примеров: «образ» как базисная категория в метапсихологической категории – «сознание»), а в качестве предиката выступает соотношение этой базисной категории с другими базисными категориями («мотивом», «действием», «отношением», «переживанием»). Так, метапсихологическая категория «сознание» рассматривается как развитие базисной психологической категории «образ», а, например, базисная категория «действие» обретает конкретную форму в метапсихологической категории «деятельность» и т. п. Базисную категорию в функции логического субъекта какой-либо метапсихологической категории будем называть ее «категориальным ядром», категории, посредством которых данная ядерная категория превращается в метапсихологическую, обозначим как «оформляющие» («конкретизирующие»). Фор-

мальное соотношение между базисными и метапсихологическими категориями изобразим на рис. 1 (с метапсихологическими категориями «ядерные» категории связаны здесь вертикальными линиями, а «оформляющие» – наклонными) <...>.

Из приведенного рисунка видно, что в соответствии с принципом открытости категориальной системы теоретической психологии ряд базисных психологических категорий, как и ряд метапсихологических, открыт. Могут быть предложены три версии, поясняющие это.

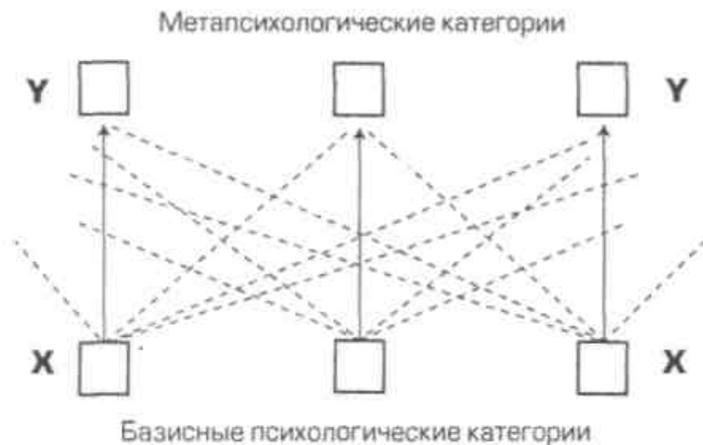

Рис. 1. Базисные (ядерные) категории связаны с метапсихологическими жирными вертикальными линиями, а оформляющие – тонкими наклонными

1. Некоторые психологические категории (как базисные, так метапсихологические) еще не исследованы, не выявлены в качестве категорий *теоретической психологии*, хотя в частных психологических концепциях они фигурируют на правах «работающих» понятий.

2. Некоторые категории рождаются только сегодня; как и все, возникающее «здесь и теперь», они оказываются пока за пределами актуальной саморефлексии науки.

3. Некоторые из психологических категорий появятся, по всей вероятности, в частных психологических теориях со временем, с тем, чтобы когда-нибудь войти в состав категорий теоретической психологии.

Предлагаемый способ восхождения к метапсихологическим категориям с опорой на категории базисного уровня далее кратко иллюстрируется на примере соотнесения некоторых категорий, в той или иной степени уже определившихся в психологии.

Образ → Сознание. Действительно ли «сознание» является метапсихологическим эквивалентом базисной категории «образ»? В литературе последнего времени высказываются мнения, исключаящие подобную версию. Утверждается, что сознание не есть, как полагал, например, А.Н. Леонтьев, «в своей непосредственности... открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния», и не есть «отношение к действительности», а есть «отношение в самой действительности», «совокупность отношений в системе других отношений», «не имеет индивидуального существования или индивидуального представительства». Другими словами, сознание якобы не есть образ – акцент переносится на категорию «отношение». Подобный взгляд, как нам представляется, вытекает из ограниченного представления о категории «образ». Упущена связь между понятием «образ» и имеющим многовековую традицию в истории философской и психологической мысли понятием «идея». Идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное представление, формирующее свой объект. В идее преодолевается оппозиция субъективного и объективного. И поэтому вполне резонно думать, что «идеи творят мир». Выявляя в образе то, что характеризует его со стороны его действительности (а значит, мотивов, отношений, переживаний индивида), мы определяем его как сознание. Итак, сознание есть целостный образ действительности (что в свою очередь означает область человеческого действия), реализующий мотивы и отношения индивида и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором суще-

ствуется субъект. Итак, логическим ядром *определения* категории «сознания» здесь является базисная категория «образ», а оформляющими категориями – «действие», «мотив», «отношения», «переживание», «индивид».

Мотив → *Ценность*. «Проверка на прочность» идеи восхождения от абстрактных (базисных) к конкретным (метапсихологическим) категориям может быть проведена также на примере развития категории «мотив». В этом случае возникает сложный вопрос о том, какая метапсихологическая категория должна быть поставлена в соответствие этой базисной категории («смысловое образование»? «значимость»? «ценностные ориентации»? «ценность»?). Однако при всей несомненности того, что все эти понятия находятся в переключке друг с другом и при этом соотносятся с категорией «мотив», они не могут – по разным причинам – считаться метапсихологическим эквивалентом последней. Одно из решений этой проблемы – привлечение категории «ценность». Спрашивая, каковы *ценности* этого человека, мы задаемся вопросом о сокровенных мотивах его поведения, но сам по себе мотив еще не есть ценность. Например, можно испытывать влечение к чему-либо или к кому-либо и вместе с тем стыдиться этого чувства. Являются ли эти побуждения «ценностями»? Да, но только в том смысле, что это – «негативные ценности». Данное словосочетание должно быть признано производным от исходной – «позитивной» – интерпретации категории «ценность» (говорят о «материальных и духовных, предметных и субъектных, познавательных и нравственных ценностях» и т.д. и т.п.). Таким образом, ценность – это не просто мотив, а мотив, характеризуемый определенным местом в системе самоотношений субъекта. Мотив, рассматриваемый как ценность, выступает в сознании индивида как сущностная характеристика его (индивида) существования в мире. Мы сталкиваемся с подобным пониманием ценности как в обыденном, так и в научном сознании («ценность» в обычном словоупотреблении означает «явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-нибудь отноше-

нии»; в философском плане подчеркивается нормативно-оценочный характер «ценности»). Ценностно то, что человек, по словам Гегеля, *признает своим*. Однако прежде, чем мотив выступит перед индивидом как ценность, должна быть произведена оценка, а порою и переоценка той роли, которую мотив играет или может играть в процессах самоосуществления индивида. Иначе говоря, для того, чтобы мотив был включен индивидом в образ себя и выступил, таким образом, как ценность, индивид должен осуществить определенное *действие* (ценностное самоопределение). Результатом этого действия является не только *образ* мотива, но и *переживание* данного мотива индивидом в качестве важной и неотъемлемой «части» себя самого. Вместе с тем ценность есть то, что в глазах данного индивида ценимо и другими людьми, то есть обладает для них побудительной силой. Посредством ценностей индивид *персонализируется* (обретает свою идеальную представленность и продолженность в общении). Мотивы-ценности, являясь сокровенными, активно раскрываются в общении, служа тому, чтобы «приоткрыть» общающихся друг другу. Таким образом, категория «ценность» неотделима от базисной категории «*отношения*», рассматриваемой не только во внутреннем, но и во внешнем плане. Итак, *ценность* – это мотив, который в процессе самоопределения рассматривается и переживается индивидом как собственная неотчуждаемая «часть», что образует основу «самопредъявления» (персонализации) субъекта в общении.

Переживание → *Чувство*. Категория «переживание» (в широком смысле слова) может рассматриваться как ядерная в построении метапсихологической категории «чувство». С.Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» различал первичное и специфическое «переживание». В первом значении (его мы рассматриваем как определяющее для установления одной из *базисных* психологических категорий) «переживание» рассматривается как сущностная характеристика психики, качество «принадлежности» индивиду того, что составляет «внутреннее содержание» его жизни; С.Л. Рубинштейн, гово-

ря о *первичности* такого переживания, отличал его от переживаний «в специфическом, подчеркнутом смысле слова»; последние имеют *событийный* характер, выражая «неповторимость» и «значительность» чего-либо во внутренней жизни личности. Такие переживания, на наш взгляд, и составляют то, что может быть названо *чувством*. Специальный анализ текстов С.Л. Рубинштейна мог бы показать, что путь становления событийного переживания («чувства») есть путь опосредования: образующее его первичное переживание выступает при этом в его обусловленности со стороны *образа, мотива, действия, отношений индивида*. Рассматривая, таким образом, «переживание» (в широком смысле) как *базисную категорию* психологии, категорию '«чувство» – в логике восхождения – можно рассматривать как *метапсихологическую категорию*.

Действие → *Деятельность*. Метапсихологическим эквивалентом базисной категории «действие» является категория «*деятельность*». В данной книге развивается взгляд, согласно которому деятельность представляет собой целостное внутренне дифференцированное (имеющее первоначально коллективно-распределительный характер) **самоценное действие** – такое действие, *источник, цель, средство и результат* осуществления которого заключаются в нем самом. Источником деятельности являются *мотивы индивида*, ее целью – *образ возможного*, в качестве прообраза того, что свершится, ее средствами – *действия* в направлении промежуточных целей и, наконец, ее результатом – *переживание отношений*, складывающихся у *индивида* с миром (в частности, *отношений* с другими людьми).

Отношение → *Общение*. Категория «*отношения*» является системообразующей (ядерной) для построения метапсихологической категории «*общение*». «*Общаться*» – значит *относиться* друг к другу, закрепляя сложившиеся или формируя новые отношения. Конституирующей характеристикой отношений является принятие на себя позиции другого субъекта («*проигрывание*» его роли) и способность совместить в мыслях и чувствах собственное видение ситуации и точку зрения дру-

гого. Это возможно через совершение определенных *действий*. Цель этих действий – производство общего (чего-то «третьего» по отношению к общающимся). Среди этих действий выделяются: коммуникативные акты (обмен информацией), акты децентрации (постановка себя на место другого) и персонализации (достижение *субъектной* отраженности в другом). Субъектный уровень отраженности включает в себе целостный *образ-переживание* другого человека, создающий у его партнера дополнительные побуждения (*мотивы*).

Индивид → Я. В логике «восхождения от абстрактного к конкретному» категория «индивид» может рассматриваться в качестве базисной при построении метапсихологической категории «Я». Основу подобного взгляда образует идея самоидентичности индивида как сущностной характеристики его «Я». При этом предполагается, что переживание и восприятие индивидом своей самоидентичности образуют внутреннюю и неотъемлемую характеристику его «Я»: индивид стремится поддерживать собственную целостность, оберегать «территорию «Я»», а следовательно, реализует особое отношение к себе и другому, осуществляя определенные действия. Словом, «Я» есть *тождество индивида с самим собой*, данное ему в *образе и переживании* себя и образующее *мотив* его *действий и отношений*.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Ключевые проблемы и объяснительные принципы психологии // Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998, с. 22-23

В содержание теоретической психологии наряду с категориальным строем входят ее основные объяснительные принципы: детерминизм, развитие, системность. Являясь общенаучными по своему значению, они позволяют понять природу и характер конкретных психологических феноменов и закономерностей.

Принцип детерминизма отражает в себе закономерную зависимость явлений от порождающих их факторов. Этот

принцип в психологии позволяет выделить факторы, определяющие важнейшие характеристики психики человека, выявляя их зависимость от порождающих условий, коренящихся в его бытии. В соответствующей главе книги характеризуются различные виды и формы детерминации психологических феноменов, объясняющие их происхождение и особенности.

Принцип развития позволяет понять личность именно как развивающуюся, последовательно проходящую фазы, периоды, эпохи и эры становления его существенных характеристик. При этом необходимо подчеркнуть органическую взаимосвязь и взаимозависимость объяснительных принципов, принятых теоретической психологией в качестве определяющих.

Принцип системности – это не декларация, не модное словоупотребление, как это имело место в российской психологии в 70–80-е годы. Системность предполагает наличие системообразующего принципа, который, к примеру, будучи применен в психологии развития личности, дает возможность понять особенности развивающейся личности на основе использования концепции деятельного опосредствования, выступающего как системообразующее начало. Таким образом, объяснительные принципы психологии пребывают в нерасторжимом единстве, без которого невозможно формирование методологии научного познания в психологии. Объяснительные принципы в психологии лежат в основе предложенной в заключительном разделе книги категориальной системы как ядра теоретической психологии.

Ключевые проблемы теоретической психологии (психофизическая, психофизиологическая, психогностическая, психосоциальная, психопрактическая) в такой же степени, как и категории, образуют открытый для возможного дальнейшего пополнения ряд. Возникающие фактически на каждом этапе исторического пути формирования психологического знания, они в наибольшей степени оказывались зависимыми от состояния смежных наук: философии (прежде всего гносеологии), герменевтики, физиологии, а также общественной практики. К примеру, психофизиологическая проблема в вариан-

тах ее решения (психофизический параллелизм, взаимодействие, единство) несет на себе отпечаток философских дискуссий между сторонниками дуалистического и монистического мировоззрения и успехов в разработке комплекса знаний в сфере психофизиологии. Подчеркивая ключевой характер этих проблем, мы отделяем их от бесчисленного числа частных вопросов и задач, решаемых в различных областях и отраслях психологии. Ключевые проблемы в этой связи могли бы по праву рассматриваться как «классические», неизменно возникавшие на протяжении двухтысячелетней истории психологии.

Тема 4.

Обще- и частнонаучная методология психологии

Давыдов В.В. Личность // Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996, с. 44–58

Проблема личности – одна из фундаментальных в современных гуманитарных науках. Трудности ее решения заключаются в том, что реальность, которую можно обозначить понятием "личность", в различных аспектах выступает предметом рассмотрения почти всех этих наук (философии, социологии, истории, психологии, педагогики, этики и др.). Главный среди разных подходов к личности – философско-социологический основывается на всеобщем и целостном понимании человека и личности.

В последние десятилетия опубликован ряд философско-социологических работ по проблеме личности. Изложим их основные идеи и положения. Прежде всего понятие личности необходимо вводить через раскрытие формы связи индивидуального человека с общественным целым, способа освоения человеческим индивидом системы общественных отношений (включение индивида в эту систему, его обособление, функционирование и развитие в ней). Разные же трактовки личности обнаруживаются как следствие преимущественного внимания тех или иных авторов к различным сторонам взаимосвязи индивида и общества. Так, одни авторы определяют личность главным образом через отражение социальной среды в индивидуальном сознании, другие – через совокупность социальных ролей, третьи – через социальную деятельность.

Мы склонны придерживаться той философской позиции, которая содержит понимание личности как целостности, воз-

никшей в ходе развития человеческого индивида в условиях определенных общественных отношений. Такое понимание личности «оказывается затем исходным и для понимания ее как субъекта воспроизводства общественных связей и как субъекта психической деятельности» [11, с. 226]. Понимание личности как целостного и самостоятельного субъекта, воспроизводящего общественные связи, позволяет соотнести, на наш взгляд, проблеме личности и проблеме творчества как процесса создания *новых* форм общественной жизни. «Понимание роли индивида в создании новых социальных и культурных форм, его творческого вклада возможно только путем «включения» индивида... в связи с другими индивидами, вступающим в общественную жизнь и самим фактором вступления в эту жизнь уже стимулирующим ее расширенное воспроизводство» [11, с. 233]

Внутренняя связь воспроизводства общественной жизни с саморазвитием людей, а тем самым с творческим созданием ее новых форм раскрывается в следующем положении К. Маркса: «В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия... но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» [15, с. 483–484].

Понимание личности и человеческого индивида, обновляющего и создающего новые формы общественной жизни, было конкретизировано в работах Э.В. Ильенкова. Он считал, что «подлинная личность, утверждающая себя со всей присущей ей энергией и волей, и становится возможной лишь там, где налицо назревшая необходимость старые стереотипы жизни ломать, лишь там, где кончился период застоя, господства косных штампов и настала пора революционного творчества, лишь там, где возникают и утверждают себя новые формы отношения человека к человеку, человека к самому себе» [9, с. 412] И кроме того: «Действительная личность обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий... производит результат, всех других

индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, — короче, всеобщий результат, всеобщий эффект» [там же]. Личность задает всем людям новый эталон работы, она рождается на переднем крае возникновения всеобщей культуры.

С этим связана, как подчеркивал Э.В. Ильенков, синонимичность «личности» и «свободы». Свобода – это развитая способность человека преодолевать препятствия, действовать не только согласно известным стереотипам, но и применительно к неповторимым ситуациям, особенностям материала. Между «личностью» и «талантом» также правомерно поставить знак равенства. «Сила личности, – писал Э.В. Ильенков, – это всегда индивидуально выраженная сила того коллектива, того «ансамбля» индивидов, который в ней идеально представлен, сила индивидуализированной всеобщности устремлений, потребностей, целей, ею руководящих» [9, с. 413]

Вместе с тем бывают обстоятельства, при которых личность человека умирает, в то время как он сам еще жив, – бывшая личность делается живым трупом, неподвижной мушкетером. Там же, «где однажды найденные... способы жизнедеятельности начинают превращаться в очередные штампы-стереотипы, в... мертвые каноны, личность умирает заживо: незаметно для себя она тоже превращается медленно или быстро в набор таких шаблонов, лишь слегка варьируемых в незначительных деталях» [9, с.413].

Таким образом, при определенном философско-социологическом подходе к человеку необходимо различать человеческий индивид и его личность. К. Маркс писал: «Различие между индивидом как личностью и случайным индивидом – не просто логическое различие, а исторический факт» [14, с. 71]. Чем же тогда отличается «случайный индивид» от «индивида как личности»? Э.В. Ильенков (а также В.Е. Кемеров и ряд других философов и социологов), на наш взгляд, правомерно усматривают это различие в том, что для личностного начала в деятельности индивида характерно наличие в ней *творческих моментов*. Индивид как личность всегда прив-

носит в воспроизводство общественных связей те или иные творческие изменения. Личностью обладает творчески («свободно») и талантливо действующий человек, создающий новые формы общественной жизни.

Подобная точка зрения нередко сталкивается с таким возражением: если личностью может быть лишь творчески действующий индивид, то допустимо ли отрицать наличие личностного начала у людей, явно не обладающих творческими возможностями? На это можно ответить так: во-первых, наличие «случайных индивидов» – это «исторический факт», во-вторых, следует иметь в виду, что творчески действующим индивидом выступает каждый подлинный труженик.

Но труд подлинно творческим бывает тогда, когда он является – в отличие от труда по принуждению – свободным самоосуществлением субъекта, цели которого он ставит сам. Все формы социальной деятельности людей, связанные со свободным трудом (к ним можно отнести, например, политическую и художественную деятельность), также содержат в себе самоосуществление и, следовательно, творчество субъекта. Именно поэтому всякий индивид, реализующий в своей жизни свободный труд или другие производные от него формы деятельности, обладает личностным началом.

В истории человечества произошло «расщепление» целостного человеческого труда на труд физический и умственный. Физический труд стал преимущественно подневольным и тем самым нетворческим. Умственный же сохранил в себе творческие потенции [С нашей точки зрения, нет оснований для того, чтобы усматривать «отголоски элитаристских концепций, несовместимых с принципом социального равенства», в утверждениях, согласно которым «личностями являются только творческие люди» [13, с. 291]. Конечно, тот или иной творческий потенциал имеется у многих людей, но вместе с тем некоторые из них, как показывает социальная практика, таким потенциалом не обладают.].

При рассмотрении проблемы связи личности с творческим свободным трудом и с производными от него формами

социальной деятельности следует иметь в виду следующее важное обстоятельство. Исторически сложилось так, что свободный труд выступает преимущественно в форме умственного труда. Но К. Маркс в своих работах указал на условия, при которых труд может быть свободным и в сфере *материального* производства. Это предполагает наличие у труда общественного, научного и всеобщего характера, а также напряжение управляющей деятельности субъекта (всеобщий труд обуславливается кооперацией современников и использованием труда предшественников) [15, с. 110].

Таким образом, понимание личности как индивида, обладающего творческими возможностями, имеет серьезные исторические и философские основания.

Указанное выше различие индивида и личности может вызвать еще одно возражение, касающееся того, что понятие личности задает нам лишь некоторый идеал, недостижимый для многих реальных индивидов. Но, во-первых, согласно диалектической логике, любое теоретическое понятие отражает ту или иную сторону действительности в ее абстрактно-всеобщем, «чистом», виде, который в самой действительности реализуется через множество отклонений и даже нарушений, хотя в конечном счете получает свое воплощение в развивающемся единстве своих многообразных проявлений. Во-вторых, в соответствующих исторических условиях (в основном они связаны с революционными эпохами) именно многие «случайные индивиды» становятся личностями.

Психология личности должна соотноситься с подходами к личности, имеющимися в других науках, и прежде всего, опираться на современное философско-социологическое понимание личности. Психологии целесообразно стоять на той общей социологической позиции, что личность человека имеет общественно-историческую сущность и неразрывно связана с общественными отношениями, что личность – общественный индивид. Но в понимании собственно психологического содержания личности у психологов существовали и существуют самые разные подходы.

Так, С.Л. Рубинштейн писал: «Личность определяется своими отношениями к окружающему миру, к общественному окружению, к другим людям. Это отношение реализуется в деятельности людей... Человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему» [21, с. 243–245]. А.Н. Леонтьев «ядро личности» понимал как «иерархию деятельностей» [12, с. 185]. «В основании личности, – писал он, – лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. За соотношением деятельностей открывается соотношение мотивов» [12, с. 203–204]. Б.Г. Ананьев трактовал личность как субъект деятельности (субъект – всегда личность), хотя субъект и личность полностью не совпадают друг с другом. «Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность – совокупностью общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных и т.д.), определяющих положение человека в обществе...» [1, с. 141].

Вместе с тем в различных подходах психологов к определению реальности, с которой соотносимо понятие личности, обнаруживается единое основание – стремление найти интегрирующее начало всех психических состояний и процессов человека. Наиболее ярко суть этого стремления выражена, на наш взгляд, в следующих словах С.Л. Рубинштейна: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия... Поэтому введение личности в психологию представляет собой необходимую предпосылку для объяснения психических явлений» [21, с. 241]. Тем самым понятие личности выступает как одно из центральных в психологической науке, поскольку оно – предпосылка объяснения любых психических явлений.

По нашему мнению, конкретное, но столь же различное у разных психологов содержание «воедино связанной совокупности внутренних условий», которую можно интерпретировать

как личность, было выделено и охарактеризовано Б.Ф. Ломовым, соединившим его с понятием направленности: «Несмотря на различие трактовок личности, во всех перечисленных выше подходах в качестве ее ведущей характеристики выделяется *направленность*. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: «динамическая тенденция» (Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (Леонтьев), «доминирующее отношение» (Мясищев), «основная жизненная направленность» (Ананьев), «динамическая организация сущности сил человека» (Прангишвили)... Действительно, направленность выступает как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад» [13, с. 311].

Направленность, конечно, не сводится к системообразованию потребностей и мотивов (в этом качестве она имеет значение для всей «коллекции» психических свойств человека, в том числе и для избирательности его субъективных отношений). Но все же по преимуществу она связана именно с мотивами, с мотивационной сферой человека, о чем в свое время писал С.Л. Рубинштейн: «Проблема *направленности* – это прежде всего вопрос о *динамических тенденциях*, которые в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами в свою очередь определяясь ее целями и задачами» [21, с. 623].

Понятия «направленность» и «системообразующее свойство» соотносимы с такими понятиями, как «субъект деятельности» и «общественный индивид» (если же речь идет о человеческом индивиде, то, по сути дела, он всегда является общественным). Действительно, потребности, мотивы и вся остальная «коллекция» психических свойств человека, понимаемых системно благодаря направленности, как раз и характеризуют особенности *субъекта индивидуальной деятельности*. Это весьма существенное философско-психологическое понятие, которое может быть хорошей теоретической основой для объяснения в перспективе психических свойств человека: субъект деятельности выступает подлинным их интегратором и системообразующим началом. И в этом своем качестве субъект рядоположен человеческому индивиду (их соотношения – особый тео-

ретический вопрос) [Отметим, что понятие индивида относится к отдельному человеку, в то время как понятие субъекта может обозначать как индивидуального, так и коллективного субъекта].

Какова была необходимость вводить новый термин «личность» при рассмотрении, с одной стороны, иерархии составляющих деятельности (потребностей, мотивов, задач), с другой – реализующих ее психических свойств человека (способностей, характера и т.д.), если термины «субъект» и «общественный индивид» и соответствующие им понятия вполне охватывают эту область?

В повседневной жизни и в конкретных психологических исследованиях люди постоянно сталкиваются с такой реальностью, обозначение которой требует понятия «личность». Но наблюдения в этой области приводят лишь к тому представлению о личности, под которым «разумеется человек в его эмпирической тотальности» [12, с. 188], т.е. в его целостности. Многие моменты такого представления имеются в подходе к личности как «к системной коллекции» психических свойств человека или в понимании ее как интегрирующей инстанции, управляющей психическими процессами (как о «хозяине» психических функций) [12, с. 187]. И опять можно сказать, что это представление и такие подходы выделяют *не* личность, как особое социально-историческое и психологическое явление, а *субъекта* деятельности и общественного индивида как носителей этой деятельности.

Отметим, что понятие индивида относится к отдельному человеку, в то время как понятие субъекта может обозначать как индивидуального, так и коллективного субъекта.

Специальное сравнение определений личности, индивида и субъекта, достаточно широко употребляемых в философии и теоретической психологии, показывает, что они рядоположенны и нередко выступают как синонимы. Но главное состоит в том, что при этом не выделяется специфика той реальности, которую необходимо выразить в понятии «личность». Естественно, что создаются объективные предпосылки

для использования термина «личность» в качестве синонима близких к нему других терминов.

Попытку различить реальности субъекта и личности предпринял Б.Г. Ананьев, полагавший, что субъект характеризуется совокупностью деятельностей, а личность – совокупностью общественных отношений [1, с. 141]. Но следует иметь в виду, что любая конкретная деятельность субъекта (индивида) осуществляется лишь в системе вполне определенных общественных отношений. Например, трудовая или познавательная деятельность субъекта имеет весьма содержательную историю своего общественного развития и поэтому вне системы производственных и других социальных отношений рассматриваться не может.

Отметим, что при изучении различных аспектов общественных отношений (экономических, правовых, нравственных и т.д.) и их влияния на людей К. Маркс постоянно использовал *понятие индивида*: «История отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею» [14, с. 516]. Иногда у К. Маркса встречается термин «личное отношение», но чаще всего как синоним «индивидуального отношения», например: «Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создает и повседневно воссоздает существующие отношения» [14, с. 516]. Ясно, что «взаимное отношение индивидов», определяемое человеческой историей, есть общественное отношение. Иногда при анализе деятельности людей К. Маркс употреблял термин «свободная индивидуальность»: «Свободная индивидуальность, — писал он, — основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние...» [15, с. 101].

Иными словами, реализацию и воссоздание всех видов общественных отношений осуществляют человеческие индивиды. Для описания этого процесса нет необходимости привлекать особый термин «личность» (нужда в нем возникает, на наш взгляд, лишь тогда, когда индивиды не просто реализуют

или воссоздают те или иные общественные отношения, а творчески вносят в них нечто новое).

Еще одну попытку определения специфического содержания понятия личности предприняли А.В. Петровский и В.А. Петровский. «Личность, – пишет один из них, – характеризует индивида в аспекте его включенности... в систему связей с другими индивидами» [19, с. 41]. При этом выделяются три типа атрибуции (предписания) собственно личностного аспекта бытия индивида в его связях с другими индивидами:

1) интраиндивидуальная атрибуция, когда личность рассматривается как качество, присущее самому индивидуальному субъекту,

2) интериндивидуальная атрибуция, когда областью существования личности является пространство межиндивидуальных связей,

3) метаиндивидуальная атрибуция, когда личность индивида обнаруживается в пространстве бытия других индивидов за пределами актуальных связей с ними, но в форме вкладов в них [19, с. 41–45]. При такой интерпретации личности «она выступает как *идеальная представленность* индивида в других людях, как его «инобытие» в них (и, между прочим, в себе как «другом»), как его *персонализация*... Если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах и, в частности, в самом себе как «другом», что формирует в других идеальную его представленность – его «личность», то мы получили бы наиболее полную характеристику его именно как «личности» [18, с. 234–235].

Приведенные положения, на наш взгляд, выражают не характеристику личности, а описывают существенные особенности человеческого сознания. Действительно, сознание возникает в совместной материально-предметной деятельности и в речевом общении индивидов и призвано в каждом из них идеально представлять всех других (в пределе – весь человеческий род). Каждый индивид так или иначе представлен в других людях (имеет «инобытие» в них), как и они в нем.

Благодаря идеализации своей жизнедеятельности индивид создает в самом себе представление других индивидов и может рассматривать себя с их позиций (см. выше).

Проведенный анализ показал, что ряд теоретических построений, относимых их авторами к «личности», на самом деле характеризуют общественного индивида, субъекта деятельности или его сознание. Вместе с тем в нескольких работах имеются такие положения, которые либо близки к пониманию личности как творчески действующего индивида, либо «подталкивают» мысль к такому пониманию.

Так, польский психолог К. Обуховский отмечал следующее: «С нашей точки зрения, личностный уровень психологической организации индивида — это способ... овладения человеком своим будущим... при помощи творческих действий» [17, с. 51]. Л.И. Анцыферова пишет: «Личность... творит, созидает себя» [2, с. 11]. К этим в целом справедливым положениям следовало бы добавить только, что личностный уровень индивида обнаруживается прежде всего в творческом его отношении к различным формам общественной жизни и уже через это — в творческом созидании и самого себя.

А.Г. Асмолов, полемизируя с американским психологом А. Маслоу, утверждает, что в процессе самоактуализации личности происходит «преобразование норм данной культуры и творение в ходе контакта с миром новых норм, т.е. нормотворчество» [3, с. 79]. Рассматривая вопросы исследования личности, он продолжает: «Изучая личность как субъект деятельности, исследуют то, как личность преобразует, творит предметную действительность, в том числе и самое себя...» [4, с. 309]. С двумя приведенными суждениями нужно согласиться, но при следующем дополнении — мы изучаем субъекта как личность *лишь* тогда, когда замечаем в нем реальное преобразование предметной действительности, культуры и самого себя, т.е. реальный акт творчества.

Можно продолжить перечисление работ психологов, где как бы «нащупывается» связь между индивидом и его творческими возможностями, которые переводят его на личностный

уровень, однако сколько-нибудь развернутая теория этой связи до сих пор отсутствует (более того, поиски личностного начала в индивиде зачастую проводятся, к сожалению, в других направлениях).

Причин здесь много, и одна немаловажная состоит в том, что в философии и психологии, а также в других гуманитарных науках слабо разработана междисциплинарная проблема творчества. Мало конкретных методик, с помощью которых можно было бы однозначно определить наличие у того или иного индивида творческих моментов в его деятельности. Как правило, эти методики ограничиваются исследованиями творческих потенций мышления человека, не охватывая творческих возможностей его целостной продуктивной деятельности [5].

Значительный сдвиг в разработке понятия личности будет осуществляться по мере комплексного философского, социологического и психологического изучения становления и развития творческих начал трудовой деятельности в сфере материального и духовного производства, а также в различных областях общественной жизни людей [Отметим, что в этой области в последнее время появились важные публикации [см. 10, 16, 20]].

Следует помнить, что одним из видов массового творчества является нравственное, поскольку каждый человек ищет свой оригинальный выход из многообразных нравственных ситуаций, которые всегда неповторимы и своеобразны [7, с. 94]. Нравственным творчеством можно назвать благодеяние того или иного человека, - благодеяние нельзя считать простым тиражированием добра [5, с. 122-123]. И поэтому в сфере осуществления нравственных поступков рождается неисчислимое количество личностей.

Если критерием личности считается наличие у индивида творческих возможностей, то каковы те психологические черты, которые характеризуют именно личностный уровень индивида? На наш взгляд, такой чертой в первую очередь можно назвать потребность индивида в активном *созидании*.

Эта потребность является смыслообразующей и тем самым подчиняет себе другие потребности предметно-вещественного характера, связанные с потреблением. «Личность не может развиваться в рамках потребления, – писал А.Н. Леонтьев, – ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ» [12, с. 226].

Важными чертами личности выступают способность индивида чутко улавливать новые общественные потребности (другими словами, ей присуще «чувство нового»), умение подчинить им задачи собственной деятельности и самостоятельно участвовать в общественных делах, а также самостоятельно осваивать моральные нормы, принятые в обществе. Личность обладает способностью действовать по собственному убеждению в сложных ситуациях, противостоять неблагоприятным обстоятельствам, не боясь вмешиваться в течение событий, проявляя твердую волю и характер и принимая на себя всю социальную ответственность за возможные последствия. Человеку, действующему на личностном уровне, присущи мужество, инициатива, решительность, ясный, гибкий и вместе с тем твердый разум и многие другие черты. Яркое описание наиболее важных черт личности (под названием подлинного характера) содержится у Гегеля: «Подлинный характер действует по своей инициативе... не допускает, чтобы другой думал и решал за него. А если он действовал сам, то он будет готов принять на себя вину за свое деяние и нести за него ответственность» [8, с. 245].

Таковы существенные черты личности человека. Хотелось бы еще остановиться на особенностях его индивидуальности. Каждый человек как индивидуальный субъект деятельности может быть похожим на других людей. Общественная жизнь людей объективно требует от человека, с одной стороны, определенной доли конформизма, с другой – значительного своеобразия или нонконформизма. Индивидуальность выражает стремление отдельного человека быть в чем-то непохожим на других, иметь какие-либо своеобразные черты своего внешнего и внутреннего облика.

Внешнее своеобразие человека может проявиться в оригинальности его речи и манер поведения, в необычности одежды и т.д. Индивидуальность человека в этой внешней сфере жизни может находить себе поддержку в общественной моде. Постоянное изменение моды имеет ту коварную особенность, что позволяет человеку, с одной стороны, быть индивидуальным, а с другой – быстро становиться похожим на других людей, которые также осваивают требования моды. Причина этого противоречивого обстоятельства заключается в том, что каждый индивид не создает общественной моды, а лишь следует и подчиняется ей. У многих людей внешнее индивидуальное своеобразие не выступает в качестве их творческого дела. Стремление к внешней индивидуальности – это еще не показатель личности человека.

Внутреннее своеобразие характерно для творчески действующего человека, т.е. для личности. Какую бы деятельность личность ни осуществляла, она всегда носит неповторимые особенности – ее результаты оригинальны и индивидуальны. Творчески действующий человек постоянно стремится создать нечто такое, что не похоже на сделанное другими или им самим. Личность всегда ищет и создает то, что соответствует ее неповторимому характеру и своеобразным условиям жизни.

Иными словами, подлинная индивидуальность есть форма проявления личности человека. Это обнаруживается, например, в деятельности художников, ученых, проповедников, внутренний облик которых носит черты неповторимости, свободной индивидуальности, талантливости.

Во все исторические эпохи подлинное образование стремится воспитать в человеке личность, способную к творческим делам и смелым поступкам. Педагогика как теория такого образования обсуждает пути и средства воспитания личности и индивидуальности человека. Поэтому подлинная педагогика имеет глубоко гуманистический характер.

В первое десятилетие советской власти наша педагогика, опираясь на достижения дореволюционного времени, стала

средством научного обеспечения строительства образования для нового поколения (напомним имя такого крупного педагога того времени, как С.Т. Шацкий). Но в дальнейшем советское образование претерпело существенные деформации, испытывая на себе отрицательное влияние тоталитарно-репрессивной социальной системы, которая нуждалась прежде всего в исполнителях, в винтиках своего всемогущего государства-машины. Советская педагогика превратилась в демагогическое прикрытие государственного образования, которое неспособно было воспитывать в молодом человеке настоящую личность и подлинную индивидуальность, хотя соответствующие педагогические лозунги и призывы произносились и публиковались.

С середины 1980-х гг., когда в нашей стране началось демократическое обновление всех сфер общественной жизни, возникло новое педагогическое мышление. Два его основных положения можно сформулировать следующим образом: 1) обновление образования требует его глубокой демократизации и гуманизации, 2) образование должно быть нацелено на воспитание и развитие личности и индивидуальности молодого человека. В последние годы эти педагогические установки стали постепенно проводиться в практику нашего образования.

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Избр. психол. труды. Т. 1. С 141.
2. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. С. 11.
3. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. – М., 1984. С. 79.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. – М., 1990. С. 309.
5. Бандзеладзе Г.Д. О творческом характере нравственности // Вопросы философии. 1981. №6. С. 122–123.
6. Богдавленская Д.Б. Интеллектуальная активность и проблемы творчества. – Ростов-на-Дону, 1984

7. Вардолицкая А. П. Моральная регуляция поведения личности. - Минск, 1987. С. 94.
8. Гегель. Соч. М. - Л., 1938. Т. XII. С. 245.
9. Ильенков Э.В. Философия и культура. - М., 1991. С. 412.
10. Исследование проблем психологии творчества. - М., 1983.
11. Кемеров В.Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. - М., 1977. С. 226.
12. Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв. Т. II. С. 188.
13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - М., 1984. С. 291
14. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. 4.1. С. 483-484.
16. Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества. - М., 1990.
17. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности. - М., 1981. С. 51.
18. Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. - М., 1984. С. 234-235.
19. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. №2. С. 41.
20. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. - М., 1990.
21. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. С. 241.

Тема 5.

Система методов психологии

Ананьев Б.Г. Краткая характеристика методов исследования // Психология и проблемы человекознания / Под ред. А.А. Бодалева. – М., Воронеж: Институт практической психологии, НПО «МОДЭК», 1996, с. 303–316

К наиболее сложившимся и проверенным на опыте организационным относится метод *сравнительный*, видоизменяющийся в различных психологических дисциплинах. В эволюционной биопсихологии, носящей также название сравнительной, исследование организуется сопоставлением (одновременным и последовательным) разных ступеней эволюции или разных уровней развития по определенным параметрам. Проектирование и осуществление такого исследования в течение длительного времени и различными методиками (особенно наблюдение и эксперименты) весьма сложны, требуют особой инструментовки. Первоначально сравнительный метод применялся для целей изучения филогенеза поведения и психической деятельности, но затем был специально применен для изучения онтогенетической эволюции, например, у приматов. Сравнительный метод как общий в организации исследования, направляющий его ход и регулирующий взаимодействия всех методик, Широко применяется в общей психологии (как сопоставление различных контингентов испытуемых или «выборок»), в специальной психологии (различных типов малых групп, Демографических, профессиональных этнографических и Других контингентов), в патопсихологии и психодефектологии (сравнение людей с дефектами: сенсорными, моторными, интеллектуальными, со здоровыми, нормально видящими, слышащими и т.д.).

В детской психологии и психогеронтологии сравнительный метод выступил как специальный метод возрастных, или «поперечных», срезов. Подавляющая часть исследований в этой области, хотя и отличается по экспериментальной методике и технике, по проблемам и теоретическим конструкциям, выполнена подобным способом. Сравнительно возрастные исследования могут охватывать различные фазы одного или двух смежных периодов (например, детства и отрочества), но в отношении всего комплекса изучаемых явлений (например, восприятия или мышления). Таковы капитальные исследования Ж. Пиаже и Инельдера [1963], в том числе и одно из наиболее значительных в области генезиса мышления.

Другую модификацию сравнительно возрастного метода представляет выборочное сопоставление отдельных периодов, производимое с целью выявления эволюционно-инволюционных характеристик динамики изучаемого психического процесса. К числу наиболее интересных и поучительных исследований такого рода относится цикл исследований А.А. Смирнова и его сотрудников по проблеме памяти: сопоставлялись особенности некоторых мнемических процессов у дошкольников, школьников, взрослых людей. В последующем под руководством А.А. Смирнова исследовалась память людей и в более позднем возрасте.

Как же проводилась работа подобного типа? В.И. Самохвалова так описывает ход своего исследования возрастных и индивидуальных различий в запоминании разных видов материала: «Первая часть исследования была проведена со взрослыми. Испытуемыми были студенты МГУ и МГПИ (разных факультетов) в возрасте 21–22 лет (всего 32 человека)... Для изучения же вопроса об изменении показателей корреляции с возрастом или о стабильности корреляции мы провели в дальнейшем аналогичные опыты с учащимися II, V и VIII классов. В общей сложности в опытах участвовало 90 школьников, по 30 человек каждого возраста. В каждую возрастную группу входили поровну учащиеся разной успеваемости. Каждый учащийся заучивал все виды материала» (Цит. по: Смирнов А.А., 1957, с. 246).

По отношению к сравнительно-возрастному методу исследования мнемических процессов, о котором идет речь, каждая из экспериментальных методик является частью программы. В этой программе взрослые (однородная группа студентов старшего возраста) играют роль эталона и комплекса критериев для сравнительной оценки степени формируемости или сформированности мнемического процесса. Полный цикл возрастных сопоставлений представлен в нашей коллективной работе, посвященной онтогенетическим изменениям перцептивных констант [Ананьев Б.Г., Дворяшина М.Д., Кудрявцева Н.А., 1968].

Основные периоды человеческой жизни (от раннего детства до глубокой старости) сравнивались лишь по одному параметру зрительного восприятия – константности. Методом возрастных, или поперечных, срезов было выявлено значение этого параметра как индикатора индивидуального развития.

В другом цикле наших исследований метод возрастных срезов был применен для определений онтогенетических преобразований комплекса зрительно-пространственных функций (поля зрения, остроты зрения, линейного глазомера). Посредством этого сравнительного метода выявлены как особенности созревания и старения каждой из этих функций, так и типы межфункциональных корреляций в различные периоды жизни [Ананьев Б.Г., Рыбалко Е.Ф., 1964].

Сравнительный метод в возрастной психологии до последнего времени был главным и наиболее распространенным для организации всего исследовательского цикла. Параллельно с ним в возрастной или генетической психологии стал разрабатываться и применяться *лонгитудинальный метод*. Специальному обсуждению принципов построения этого метода был посвящен один из симпозиумов XVIII Международного психологического конгресса – «Изучение хода психического развития ребенка» (организатор Р. Заззо). Обобщение некоторого опыта позволило Р. Заззо оценить эффективность этого метода сравнительно с методом возрастных или поперечных срезов. Лонгитудинальный метод более точен в опре-

делении возможностей развития, и его преимущество перед методом возрастных срезов сказывается при решении двух проблем: 1) предвидение дальнейшего хода психической эволюции, научного обоснования психологического прогноза; 2) определение генетических связей между фазами психического развития. Лонгитюдинальный метод устраняет такой серьезный недостаток метода поперечных срезов (сравнительно возрастного), как уравнивание всех индивидов данного возраста и данной популяции, которые на самом деле не могут оказываться в одной и той же точке онтогенетической эволюции, так как совершают свое развитие с разной скоростью и различным путем. Лонгитюдинальный метод сложнее метода «поперечных» срезов, он более индивидуализирован и поэтому применим в организации исследования в области возрастной или генетической психологии.

Путь непрерывного прослеживания хода психического развития заранее определен программой, рассчитанной на ряд лет; на короткие дистанции применение его неэффективно. Длительное наблюдение и постоянное воспроизведение тех или иных функциональных проб (тестов), сопоставимых по определенным критериям экспериментальных заданий, при одновременном использовании других методов (биографического, анализа продуктов деятельности и т.д.) – все это характеризует полиоперациональный состав лонгитюдинального метода как способа организации многолетнего исследовательского цикла. Непосредственным итогом его применения является индивидуальная монография или некоторая совокупность таких монографий, описывающих ход психического развития, охватывающих ряд фаз периодов человеческой жизни. Сопоставление таких индивидуальных монографий позволяет достаточно полно представить диапазон колебаний возрастных норм и моменты перехода от одной фазы развития к другой. Однако построение серии функциональных проб и экспериментальных методов, периодически повторяемых при изучении одного и того же человека, – дело крайне сложное, так как адаптация испытуемого к условиям

опыта, специальная тренированность могут влиять на картину развития. Кроме того, узкая база такого исследования, ограниченного небольшим количеством избранных объектов, не дает оснований для построения возрастных синдромов, успешно осуществляемого посредством сравнительного метода «поперечных» срезов. Именно поэтому Р. Заззо рекомендовал сочетать оба метода в генетической психологии.

Подобное сочетание лонгитюдинального и сравнительного методов целесообразно и в других областях психологии, особенно в дифференциальной. В клинической психологии (патопсихологии) казуистический анализ, основанный на лонгитюдинальных данных, обычно накладывается на патопсихологические синдромы, полученные сравнительным методом (при изучении больных нервно-психическими заболеваниями или сопоставления их со здоровыми людьми). В психологии спорта лонгитюдинальные способы организации исследования имеют особое значение в сочетании с данными массового обследования спортсменов разных специальностей, квалификации, стажа и т.д.

Как сравнительный, так и лонгитюдинальный методы могут применяться при изучении отдельных психофизиологических функций, психических процессов, состояний, свойств личности. От предмета исследования зависят масштаб организации всего цикла работы, состав методик и применяемая техника. Однако в современных условиях психологические исследования все чаще включаются в сложные комплексные системы, в которых участвуют многие другие науки, необходимые для решения актуальных практических задач (например, научной организации труда). Исключительное значение проблемы человеческих факторов в различных видах общественной практики (от организации производства до массового обслуживания населения) определяет важность подобных комплексных, то есть *междисциплинарных*, исследований.

Подобно сравнительному и лонгитюдинальному методам, вовсе не представляющими сами по себе какой-либо теории, не являющихся способами организации исследовательско-

го цикла, *комплексный метод* сам по себе еще не есть концепция целостности изучаемых феноменов, но, бесспорно, он направлен на построение такого исследовательского цикла, который обеспечивал бы в будущем построение такой концепции. Программа комплексного междисциплинарного исследования определяется *общностью* изучаемого объекта и *разделением* функций между отдельными дисциплинами, периодическим сопоставлением данных и их обобщением, главным образом касающихся связей и взаимосвязей между явлениями разного рода (например, физического и психического развития, социального статуса личности и ее характерологических свойств, экономических показателей производительности труда и индивидуального стиля трудовой деятельности и т.д.).

Социолого-психологические, экономико-эргономические, антрополого-психофизиологические и другие комплексные исследования предъявляют особые требования к построению оптимальных режимов исследования, оперативного управления разнородным составом методик, с помощью которых добывается и обрабатывается (особенно статистически) большой материал, на основании которого делаются выводы о совершенствовании тех или иных областей практики.

Методика и техника комплексных исследований лишь начинают разрабатываться. Однако возрастающее значение психологии в системе наук и взаимодействий между ними требует уделить особое внимание построению комплексных исследований в области производства, массового обслуживания, здравоохранения и, конечно, образования и воспитания, имеющих первостепенное значение. Комплексные объединения психологов, педагогов и педиатров, физиологов и антропологов, методистов разных профилей могут оказаться особенно полезными для обеспечения единства педагогических воздействий и оптимальных взаимосвязей между воспитанием, обучением и развитием.

Среди *эмпирических методов психологии*, с помощью которых добываются факты исследования, исходное значение имеет *объективное наблюдение* (сплошное или выборочное), ме-

тодика которого претерпела за последнее время значительное изменение благодаря применению различных фиксационных и других технических средств (фотографических, кинематографических, звукотехнических, телевизионных). С помощью этих средств (включая полупроницаемые экраны и камеры) обеспечивается сохранность натуральной картины поведения и его динамики в определенных условиях. Специальные электронные устройства дают возможность автоматизации фиксационных средств посредством покадровой обработки наблюдательского фильма (на специальных дешифраторах), получения хронометрических показателей и построения циклограммы актов поведения. Аналогичным образом обработка с помощью акустических анализаторов магнитофонных записей голоса и речи человека, звуковой сигнализации животных дает частотные и временные характеристики, уточняющие факты наблюдения.

С внедрением в практику психологического исследования технических средств наблюдения, фиксации и обработки их данных метод объективного наблюдения вновь занимает первостепенное положение, разделяя его с экспериментальным.

Обсервационным методом является не только объективное наблюдение, но и *самонаблюдение*, по поводу которого как специфического метода психологии и главного орудия идеалистического интроспекционизма высказываются диаметрально противоположные суждения.

Для нас самонаблюдение – не методологическая, а методическая обработка, которая еще ожидает систематического изучения и технических совершенствований. Несомненно, сама возможность самонаблюдения, то есть уровень самоанализа, является показателем психического развития человека. В этом смысле должны быть показательны различия в объеме, составе и степени сложности показаний взрослого человека, подростка, маленького ребенка, показаний, выражающих особенности становления самосознания человека. Нет сомнения в ошибочности представления самосознания как проявления лишь субъективного в форме самонаблюдения. Подобно всем

явлениям психической деятельности самосознание объективируется в деятельности, в реальных позициях личности и ее поступках, в уровне притязаний и динамике отношений к окружающим, в различных типах коммуникаций. Поэтому не следует ставить знак равенства между самонаблюдением и специальным исследованием самосознания, тем более что самонаблюдение выступает как компонент многих других методов при изучении психических реакций, актов поведения, форм деятельности в виде *словесного отчета*.

Тем не менее самонаблюдение как обсервационный метод имеет особый смысл при изучении *динамики сознания*, являющегося одновременно *субъективным отражением* объективной действительности и *внутренним миром человека*, самосознания как субъективной программы личности и ее саморегуляции. В этом плане особую ценность имеют приемы и данные опосредствованного самонаблюдения (дневники, автобиографические материалы, переписка и т.д.). В различных областях психологии используют данные самонаблюдения в соответствии с предметом и общей организацией исследования. В медицинской практике всегда используется материал субъективного анамнеза, сопоставляемого с данными клинического и лабораторного исследования (объективного анамнеза).

В *медицинской психологии* аутопластическая (субъективная) картина болезни воспроизводится на основании обоих видов анамнеза подобно тому, как в *патопсихологии* определяется расстройство схемы тела по совмещенным данным объективного наблюдения и самонаблюдения больного.

Во всех видах прикладной психологии – от психологии труда до космической психологии – самонаблюдение применяется в различных модификациях и в связи с другими объективными методами. Особенное значение имеет описание самочувствия в тех или иных состояниях деятельности, динамики представлений и переживаний, мотивов поведения. С введением экспериментальных методов в психологию и применением фармакологических средств самонаблюдение используется как специальный прием анализа субъективных изме-

нений под влиянием различных физико-химических воздействий. Начало этому положено Н.Н. Ланге, испытывавшему на себе действие гашиша и описавшего своеобразное галлюцинаторное состояние. Подобных исследований было проведено множество и до возникновения психофармакологии. В современной психологии определение эффектов фармакологических и иных воздействий осуществляется по совокупности объективных и субъективных показателей.

Исторически экспериментально-психологические методы возникли на базе наблюдательных и первоначально ими определялись. В последующем развитии научной психологии особенно успешно развивались экспериментальные методы и техника лабораторного исследования, сказавшие влияние на развитие наблюдательных методов, вступивших, как указывалось, на новую ступень своего развития.

Экспериментальные методы в психологии столь многообразны, что ни в одном из пособий по экспериментальной психологии невозможно полное описание всех экспериментальных методик как сложных систем специальных операций и процедур, осуществляемых в специально оборудованных камерах и кабинетах с помощью сложных приборов, аппаратов и других технических устройств. Первой формой экспериментального метода в психологии является так называемый лабораторный эксперимент. Обозначение это, конечно, чисто формальное и имеет смысл лишь в сопоставлении с другими видами эксперимента – «естественного» и психолого-педагогического.

Классические формы лабораторного эксперимента – *метод психических реакций*, существующий во многих вариантах (простой, сенсорной и моторной реакции, реакции выбора, реакции на движущийся объект и т.д.), *психофизические методы* (определение порогов и динамики чувствительности – абсолютной и дифференциальной – различных модальностей). Эти методы получили исключительное развитие не только в психологии, но и во многих смежных науках. В самой психологии прогресс теории и экспериментальной техники обусловил дальнейшее совершенствование этих методов.

Вслед за ними экспериментальная психология начала пополняться различными *психометрическими методами* исследования мнемических, перцептивных, апперцептивных, attentionных процессов. Каждому из них соответствуют особая аппаратура и специфическая техника проведения опытов. Несколько позже открылись возможности экспериментального изучения процессов мышления и речевых функций. Благодаря успешному развитию этого изучения созданы экспериментальные основы семиотики и современная эвристика, для которой экспериментальная психология мышления имеет не меньшее значение, чем математическая логика.

Во многих функциональных и процессуальных экспериментально-психологических исследованиях используются разнообразные физиологические (особенно условно-рефлекторные и электрофизиологические) и физико-химические методы, а при изучении речемыслительных процессов – лингвистические и логические методы исследования. Проектирование лабораторных помещений, выбор изоляционных материалов и устройств, новой техники аппаратуры) и т.д. – особая область экспериментальной психологии, ее инженерных и экономических основ, разрабатываемых пока еще недостаточно. Прогресс экспериментально-психологической техники связан с все более широким внедрением радиоэлектроники и автоматики и некоторых типов приборов и аппаратов, особенно *сигнализационно-стимуляционных*, благодаря чему строятся программы с любыми комплексами сигналов и с любыми градациями их интенсивности.

Распространение электрофизиологических устройств приводит к все более разнообразной и комплексной *регистрационной аппаратуре*. Иногда в эту аппаратуру включаются счетные операции, итоги которых выдаются в виде количественных показателей стимулов и реакций. Развитие сигнализационной и регистрационной аппаратуры пока еще недостаточно взаимосвязано, и поэтому еще нередки случаи, когда сложный комплекс сигналов прибора обеспечивает лишь хронометрические показатели двигательных или речевых показа-

телей. В будущем надо ожидать большего взаимосогласования и интеграции обоих типов аппаратуры. П. Фресс отметил две дилеммы, стоящие перед современной экспериментальной психологией: 1) качественно-количественное исследование в лаборатории; 2) изучение в реальной жизни [«Экспериментальная психология», 1966]. Эти дилеммы разрешаются не внутри лабораторного, или классического, эксперимента, а экспериментальной психологией в целом. В последние десятилетия, причем в значительной степени благодаря электронике, возникла возможность выхода экспериментально-психологической техники за пределы лаборатории. Этот вид экспериментально-психологического метода можно назвать *полевым экспериментальным методом*, использующим более портативную аппаратуру и сокращенные циклы экспериментальных процедур. В настоящее время полевые эксперименты широко практикуются в психофизиологии труда, авиационной и космической психологии, особенно в психологии спорта и военной психологии.

Весьма интересные перспективы для развития лабораторного и полевого эксперимента открывает социально-психологическое исследование межличностных отношений в малых группах, групповые и коллективные эксперименты с помощью гомеостатов разных типов, телевизионных установок с обратной связью, методики «подставной группы» и т.д.

Естественный и психолого-педагогический эксперименты весьма основательно разработаны в психологии и подробно описаны в психолого-педагогических исследованиях (Н.А. Менчинской, Г.С. Костюка, А.А. Люблинской, М.Н. Шардкова и др.).

В современных условиях *беседа* представляет собой дополнение к экспериментальным методам или, что особенно характерно для генетической и патологической психологии, *вариант естественного эксперимента*, воспроизводящего определенную ситуацию общения и взаимной информации. В социальной психологии беседа выступает в качестве самостоятельного метода *интервью*, имеет свою специальную технику сбора: информацию, принципы, градуирование ответов и

шкалу оценок. На основании интервью, так же как анкет различных типов и вопросников, *распознаются состояния* (общественного мнения, общественных настроений, социальных ожиданий, ролевого поведения), и осуществляется *принятие решений*. Иначе говоря, интервью, анкеты и вопросники (например, айзенковские вопросники, на основании анализа которых определяются экстраверсия – интроверсия, мера нейротизма и т.д.) являются *психодиагностическими средствами* и должны быть отнесены к этой группе эмпирических методов.

К *психодиагностическим методам* относятся также *социометрические*, посредством которых определяются статус личности в группах (малой и большой), показатели эмоциональной экспансии и т. д. Обширный и все более распространяющийся исторический прием представляют тесты, или массовые психологические испытания. Критика этого метода в советской научной литературе была обращена главным образом на тенденцию буржуазной интерпретации данных, получаемых с помощью одного из главнейших видов тестов, притязающего на определение интеллектуальных способностей, или умственной одаренности. Использование этих тестов в целях социального отбора носит реакционный характер и направлено против демократизации образования и культуры. Отмечались чрезмерная формализация оценок и ориентация на результаты решения задач, игнорирующие своеобразие процесса интеллектуальной деятельности. Серьезным недостатком многих тестов на определение интеллекта является их произвольный характер: конструирование и введение в массовую практику тестов и субтестов, не прошедших нормального исследовательского цикла в условиях специальных лабораторий.

В диагностические методы должны переходить наиболее эффективные и пригодные к скоростному массовому применению модификации экспериментальных методов, особенно полевых. Некоторые психолого-диагностические тестовые системы (например, система и шкала Д. Векслера) удовлетворяют этим требованиям, поскольку большая часть субтестов взята из экспериментальной практики. Однако существует множество тестов,

не прошедших исследовательских циклов, необходимых для выработки строгого психодиагностического средства.

Среди тестов следует различать стандартизированные и нестандартизированные, причем первые имеют разное назначение: тесты *успешности* (шкала оценок знаний) бланковых типов, широко распространяемых в процессе обучения, тесты *интеллекта*, среди которых имеются не только преследующие цель прямого определения умственной одаренности, но и ориентированные на выяснение *уровня и структуры* интеллекта (вербального и невербального, общего), тесты *профессиональной пригодности* или профессиональной трудоспособности, видоизменяющиеся в зависимости от профессиографических профилей.

В целях психодиагностики свойств личности, ее психологических черт и мотивов деятельности чаще применяются прожективные тесты (например, «пятна» Роршаха и др.). Существующая техника обработки данных прожективных тестов еще очень несовершенна и не исключает возможности субъективистских толкований, особенно в психоаналитическом или транзактном духе. Однако усовершенствование прожективных тестов и построение объективных систем оценок их результатов вполне возможны и будут способствовать развитию психодиагностики.

В качестве психодиагностических средств могут быть использованы *психомоторные* испытания (например, тесты Н. Озерецкого или бразильского психолога Мира Лопеца), *психовегетативные пробы* (особенно кожно-гальванической реактивности, потоотделения, измерения артериального давления при различных физических и умственных нагрузках и т.д.).

Благодаря успехам советской психофизиологической школы Б.М. Теплова вводится в систему психодиагностических средств много ценных функциональных проб или тестов нейродинамических свойств человека (силы возбуждательного и тормозного процессов, подвижности, динамичности и т.д.). В этих же целях используется нейрохронометрия, разрабатываемая Е.А. Бойко и его сотрудниками. Создание единой системы современной психодиагностики – актуальная задача

отечественной психологии, которую следует решить коллективными усилиями в ближайшие годы. Среди *праксиметрических методов* хронометраж рабочих или спортивных движений, циклографическая запись актов поведения, или трудовых действий, профессиональное описание целостного производственного комплекса имеют хорошо разработанные методики и технику. Иначе обстоит дело с анализом *продуктов* деятельности (изделий, художественных, литературных, научных произведений, изобретений и рационализации, школьных сочинений и учебных работ). Для каждого из этих видов продукции человеческой деятельности должна быть разработана соответствующая техника анализа (измерения определенных количественных характеристик и оценка качества, в том числе новизны и индивидуальности результатов теоретической и практической деятельности). В этом отношении могут оказаться полезными исследования подготовительных рукописных и готовых материалов литературного, художественного, технического и научного творчества.

Моделирование – новый метод, вернее, новые методы теоретического исследования, необходимые как для познания психических явлений, так и для воспроизведения в технических устройствах параметров, наиболее близких к этим явлениям, их информационной функции и саморегуляции.

Биографический метод – соби́рание и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности (анализ человеческой документации, свидетельств современников, продуктов деятельности самого человека и т.д.) еще слабо разработан в психологии даже в таких областях, как психология личности, характерология, психология искусства, пока отсутствуют разработанная методика и техника составления коллекций документов и материалов, критериев оценки различных компонентов биографии и определения типов жизненного пути. Однако сравнительное изучение биографий (например, биографии ученых Леймана, Прайса и др.) для целей определения оптимальных периодов творчества и фаз становления таланта может оказаться весьма полезным для разработки методики биографических исследований.

Специальную группу «обрабатывающих» методов исследования составляют *количественные* (статистические) *методы: анализы* дисперсионный, корреляционный, факторный, дискриминантный, применяемые в целях психологического измерения.

Качественный анализ заключается в дифференциации обрабатываемого материала по типам, видам, вариантам, в общем *в категоризации* количественно обработанного материала, что необходимо для подготовки обобщающей фазы исследования. Одним из обрабатывающих способов качественного анализа является психологическая казуистика – описание случаев, наиболее типичных как для данной популяции или ее основных уровней, так и являющихся исключениями. *Интерпретационные методы* синтетического характера в психологии складываются в настоящее время в зависимости от двух основных видов взаимосвязей психических явлений – «вертикальных» *генетических* связей между фазами и уровнями развития и *структурных* «горизонтальных» связей между всеми изученными характеристиками личности. Генетический метод интерпретирует весь обработанный материал исследования в *характеристиках развития*, выделяя фазы стадии, критические моменты процесса становления психических функций, образований или свойств личности. Структурный метод интерпретирует весь обработанный материал исследования в характеристиках систем и типов связей между ними, образующих личность, социальную группу и т.д. Специфическое выражение этого метода представляет собой психография.

В сущности на этом методологическом уровне метод становится в известном смысле теорией, определяет путь формирования концепций и новых гипотез, детерминирующих дальнейшие исследовательские циклы психологического познания. Разработка методологических проблем – дело ближайшего будущего и всего коллектива ученых.

Тема 6.

Организация научного психологического исследования

Ануфриев А.Ф. Язык науки: понятийный аппарат научного исследования // Научное исследование. Курсовые, дипломные и диссертационные работы. – М.: Ось-89, 2004, с. 21-28

<...>

Гипотеза и задачи исследования

Гипотеза – это предположение, выдвигаемое для объяснения какого-либо явления, которое не подтверждено и не опровергнуто. Гипотеза – это предполагаемое решение проблемы.

Гипотеза определяет главное направление научного поиска. Она является основным методологическим инструментом, организующим весь процесс исследования.

К научной гипотезе предъявляются следующие два основных требования:

а) гипотеза не должна содержать понятий, которые не уточнены;

б) она должна быть проверяема при помощи имеющихся методик.

Что значит проверить гипотезу? Это значит проверить те следствия, которые логически из нее вытекают. В результате проверки гипотезу подтверждают или опровергают.

Задачи исследования – это те исследовательские действия, которые необходимо выполнить для достижения поставленной в работе цели, решения проблемы или для проверки сформулированной гипотезы исследования.

Примеры.

Гипотеза. Эффективность решения психодиагностических задач в значительной степени определяется выбором стратегии диагностического мышления психологов.

Для проверки выдвинутой гипотезы необходимо было решить следующие задачи:

1. На основе теоретического изучения психолого-педагогической литературы выявить основные характеристики диагностического поиска и сформулировать принципы моделирования психодиагностических задач.

2. Построить психодиагностические задачи, моделирующие трудности обучения.

3. Разработать лабораторную методику исследования процесса решения диагностических задач, воспроизводящую логику постановки психологического диагноза в реальных условиях.

4. Провести экспериментальное исследование особенностей решения диагностических задач практическими психологами и учителями (22, с. 2).

Основные гипотезы.

1. Гипотеза состоит в том, что существуют связи между высказываниями личности, представленностью качеств в почерке и представленностью в физиогномике.

2. Предполагается, что за отдельными чертами лица (физиогномика) стоят качества, которые «читаются» окружающими.

3. За начертаниями букв, за их особенностями также стоят признаки отдельных свойств и качеств личности, по которым можно судить о человеке.

Частные гипотезы.

1. Имеются зоны, где наиболее точно можно определить характеристику личности по почерку.

2. Имеются зоны, где наиболее точно можно определить характеристику личности по физиогномике.

3. Имеются зоны, которые могут быть эффективно определены по вербальным характеристикам (фиксированным вербальным высказываниям).

Для проверки гипотез решались следующие основные задачи:

1. Определить по литературным источникам направления, по которым решалась проблема невербальных характеристик (почерка и физиогномики).

2. Провести эксперименты по выявлению индивидуальных особенностей личности, проявляющихся в почерке и физиогномике.

3. Выявить проанализированные характеристики лиц по вербальным показателям.

4. Выявить объективные характеристики лиц, с которыми связаны полученные данные по вербальным и невербальным характеристикам.

5. Установить наиболее устойчивые связи между вербальными и невербальными характеристиками» (43, с. 7–8).

«Целью данной работы является описание и анализ причин и закономерностей сознательной смены профессии как феномена профессионального развития. Общая проблема изучения сознательной смены профессии была конкретизирована в следующих задачах исследования:

1. Систематизация психологических причин сознательной смены профессии и оценка их как признаков профессионального развития.

2. Анализ динамики представлений о требованиях трудовой деятельности в процессе профессионализации.

3. Анализ динамики выраженности профессиональной направленности в процессе профессионального развития.

4. Анализ динамики взаимосвязи профессионально важных качеств в процессе овладения профессией.

5. Построение модели сознательной смены профессии» (20, с. 3–4).

Методика исследования

Помимо методики в исследовании следует различать цель и результат. Как отмечалось, цель – это то, что мы хотим получить при проведении исследования, образ будущего. Ре-

зультат- это то, что мы реально получили, образ настоящего. Методика же отвечает на вопрос о том, как мы это получили, т.е. на каких испытуемых, с помощью каких методов, в каких условиях. Для того, чтобы характеристика методики была полной и вместе с тем не избыточной, желательно при ее описании придерживаться определенной схемы (см. Примерную структуру экспериментального исследования).

Научная новизна

Как уже отмечалось, целью проведения исследования является получение нового для общества знания. Следует отметить, что, когда речь идет о курсовой или дипломной работе, это требование сохраняется, но не является столь категоричным. Для этих научных работ новизна результатов может иметь субъективный характер, определяться не по отношению к обществу, а по отношению к исследователю. В этом случае проведенная работа может представлять собой моделирование известных в науке (обществе) решений. Когда же речь идет о кандидатской диссертации, требование получения нового знания для общества является обязательным.

Что может составить новизну диссертационного, дипломного или курсового исследования? Какие познавательные ситуации благоприятны для получения нового знания?

1. *Изучение всем известного на уровне здравого смысла явления с помощью специальных научных методов и превращение его благодаря этому в научно установленный факт. Например, феномен Розы Кулешовой и эксперимент А.Н.Леонтьева по формированию неспецифической цветовой чувствительности. Феномен Розы Кулешовой заключается в том, что, по свидетельству очевидцев, она могла пальцами рук читать печатный текст. А.Н.Леонтьев решил проверить эти свидетельства экспериментальным путем.*

Методика эксперимента заключалась в следующем. Испытуемый сидел за столом, на котором во фронтальной плоскости находилась панель. В панели был вырез, в который был смонтирован манжет типа фоторукава. Испытуемый должен

был продвинуть руку в манжет, который не пропускал света, и положить руку на стол. На столе под ладонью испытуемого находился вырез круглой формы, через который на руку в случайном порядке подавались лучи света – зеленый или красный. После зеленого света ничего не происходило, а после красного испытуемый получал удар электрическим током. Цель эксперимента состояла в том, чтобы выработать у испытуемого условный рефлекс на удар электрическим током.

Как протекал эксперимент? Тридцать проб – испытуемый не убирает руку. Сорок проб – не убирает. Пятьдесят, шестьдесят, восемьдесят, сто пятьдесят, триста, пятьсот проб – испытуемый по-прежнему не убирает руку. Условный рефлекс не вырабатывается. Прекратили эксперимент.

После этого набирают новую группу испытуемых и проводят вторую серию эксперимента. Но в отличие от первой серии испытуемых посвящают в условия проведения эксперимента и говорят, что на ладонь руки в случайном порядке будут подаваться зеленый и красный лучи света и что после зеленого ничего не будет, а после красного они получают удар электрическим током. Тем самым, в отличие от первой серии, испытуемые оказываются в ситуации активного поиска раздражителей.

Как протекает эксперимент в этом случае? Примерно на восьмидесятой пробе испытуемые после красного луча начинают аккуратно убирать руку, избегая тем самым удара электрическим током. Что это означает?

Это означает, что в ситуации активного поиска испытуемые кожей руки научились различать неспецифический раздражитель – свет (для кожи специфическим раздражителем является механический или тепловой раздражитель). Из этого следует, что феномен Розы Кулешовой – это не искусно поставленный трюк, не субъективные искажения и фантазии очевидцев, а реальность. Теперь это научно установленный факт, с которым должен считаться каждый исследователь.

2. Изучение уже известного в науке явления на новом экспериментальном материале. В данном случае новое знание получают за счет особенностей экспериментальной выборки испы-

туемых, на которой проводится исследование особенностей, *например*, этнических, социокультурных, профессиональных, возрастных. Выполняя исследование на особой выборке, мы получаем новые данные как в том случае, когда полученные результаты отличаются от ранее известных при проведении исследования по данной методике, так и тогда, когда отличий в полученных данных по сравнению с уже известными не обнаружено. Новизна в последнем случае будет заключаться в том, что известная ранее закономерность распространяется и на новую выборку испытуемых.

3. *Переход от качественного описания известных в науке фактов к их точно определяемой количественной характеристике.*

4. *Изучение известного в науке психического явления более совершенными методами. Например*, переход при измерении времени реакции от одной десятой к одной сотой доле секунды благоприятен для получения новых результатов.

5. *Сопоставление, сравнительный анализ протекания психических процессов. Например*, непровольного, произвольного внимания, памяти у нормальных и психически больных людей, волевых процессов у наркоманов и алкоголиков.

6. *Измененные условия протекания психического процесса. Например*, мышление в условиях невесомости и обычных условиях.

Примеры.

«Научная новизна настоящего исследования заключается:

1. В экспериментальном изучении содержания процесса решения психодиагностических задач. Ранее подобные исследования касались лишь решения диагностических задач в медицинской и технической диагностике.

2. В исследовании процесса постановки диагноза на основе компьютерного моделирования психодиагностических задач.

3. В определении основных стратегий диагностического поиска, которыми пользуются психологи в процессе решения диагностических задач: полная схема (с использованием всех этапов диагностического процесса), с пропуском одного из

этапов и свернутая схема (задействовано не более двух этапов диагностического процесса).

4. В установлении особенностей решения психодиагностических задач психологами и учителями.

5. В выявлении влияния опыта диагностической работы на эффективность постановки психологического диагноза».

(Костромина С.Н. Исследование процесса решения диагностических задач практическим психологом: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. – М., 1997, с. 2).

«Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Установлено соответствие между классами эмоциональных явлений и сферой потребностей личности.

2. Выделены критерии построения методики диагностики состояния эмоциональной сферы для детей первого и второго периодов детства.

3. Определены особенности эмоциональной сферы детей с различным уровнем креативности».

(Барышникова Е.Л. Особенности эмоциональных состояний креативных детей: Автореф. дис... . канд. психол. наук. – М., 1999, с. 4).

«Научная новизна и теоретическая значимость работы:

1. Определены количественные и качественные характеристики настойчивости у людей с алкогольной и наркотической зависимостью. Группа с алкогольной и наркотической зависимостью получила более высокие показатели (в сравнении с группой людей не злоупотребляющих алкоголем и наркотиками) по астеничности, экстернальности, по когнитивному и по мотивационному компоненту. Эти данные свидетельствуют о том, что у людей с алкогольной и наркотической зависимостью сильнее выражена апатия, тревога, пессимизм, пассивность саморегуляции. У этой группы ниже показатели по эргичности.

2. Выявлена специфика настойчивости в группах людей с алкогольной и наркотической зависимостью. Определен ха-

рактик связей между ее компонентами (динамическим, продуктивным, мотивационным, когнитивным, эмоциональным и регуляторным). Показано, что экстернальная переменная в структуре настойчивости людей с алкогольной зависимостью более тесно связана с эргической и астенической переменными, что определяет пассивность саморегуляции и снижает ее силу, устойчивость стремлений к достижению цели. От этого возрастает апатия, тревога и пессимизм. Особенность структуры настойчивости у людей с наркотической зависимостью заключается в том, что мотивационный компонент не связан с продуктивностью деятельности. Он становится автономным и как бы отстраняется от операционно-продуктивных характеристик деятельности и связан только с положительными эмоциями.

3. Дан сравнительный анализ связей между компонентами настойчивости и акцентуациями черт характера у людей с алкогольной и наркотической зависимостью. У людей с алкогольной зависимостью педантичность мешает осуществлению настойчивости: увеличивает эргичность, снижает стеничность, мотивацию и результативность настойчивости. Они тянут с решением, чтобы избежать неприятностей. При этом снижается оптимизм, радость и положительная мотивация к деятельности, стремление что-либо предпринять становится более слабым, уменьшается сила, устойчивость стремлений к достижению цели. У людей же с наркотической зависимостью педантичность наоборот стимулирует эргичность, снижает пассивность саморегуляции, увеличивает социально-значимую мотивацию».

(Сокова Т.О. Особенности настойчивости личности при алкогольной и наркотической зависимости: Автореф. Дис. ...канд. пси-хол. наук. – М., 1999, с. 2-3)

Практическая значимость

Целесообразно выделить два основных направления характеристики практической значимости научного исследова-

ния. Первое связано с полученными в нем данными, второе – с используемой методикой.

Практическая значимость результатов исследования может заключаться в возможности:

- решения на их основе той или иной практической задачи;
- проведения дальнейших научных исследований;
- использования полученных данных в процессе подготовки тех или иных специалистов.

Примеры.

На основе установленного в исследовании Иеркса и Додсона закона оптимума мотивации можно решить практическую задачу повышения эффективности деятельности спортсмена-борца в экстремальных условиях. Для этого словесные формулы, которые использует тренер в процессе психологической подготовки спортсмена к соревнованию, должны иметь не слабую и не чрезмерно сильную, а оптимальную стимуляцию.

Практическая значимость изучения динамики умственной одаренности в младшем и среднем школьном возрасте заключается в том, что результаты исследования могут использоваться в практической работе психологами и учителями для развития интеллекта и творческого потенциала личности детей.

Практическое значение выявленных на материале технико-диагностической деятельности стратегий решения диагностических задач заключается в том, что они могут послужить основой для изучения стратегий решения психодиагностических задач.

Полученные в исследовании данные об особенностях алкогольной или наркотической зависимости могут найти применение в соответствующем спецкурсе.

Как отмечалось, другое направление практической значимости исследования связано с используемой в нем методикой. Если в исследовании разработана новая методика, то практическая значимость может быть обусловлена возможно-

стью ее использования опять-таки для решения некоторых практических задач, для проведения дальнейших исследований и для подготовки специалистов.

<...>

Райзберг Б.А. Состав и содержание диссертационной работы // Диссертация и ученая степень. Пособие для соискателей. – М.: ИНФРА-М, 2003, с. 103-105

<...>

Актуальность исследования (одна-две страницы) содержит положения и доводы, свидетельствующие в пользу научной и прикладной значимости решения проблемы, исследуемой в диссертации, При написании этой части введения следует воспользоваться обоснованием актуальности темы диссертации в процессе выбора и утверждения темы, содержащимся в индивидуальном плане аспиранта. К тому же в процессе подготовки диссертации появляются дополнительные аргументы, свидетельствующие об актуальности выполненного исследования. Отметим, что если на первой стадии выполнения работы следовало обосновать актуальность темы, то в завершающей фазе корректнее писать не только об актуальности темы, предмета диссертации, но и самого проведенного исследования. Актуальность находится в самой тесной связи с решаемой в работе научной и в то же время прикладной проблемой, от которой и надлежит отталкиваться. Вам надо убедительно показать, что до проведения диссертационного исследования в данной отрасли науки существовала брешь, которую надо было обязательно заполнить в интересах науки и практики. Приняв на себя эту нелегкую миссию и закрыв брешь, вы совершили значимое дело, что и предопределяет актуальность исследования, выполненного в диссертации.

Цели и задачи исследования (до одной страницы) содержат формулировку главной цели, которая видится в решении основной проблемы диссертации, обеспечивающем внесение значимого вклада в теорию и практику. Конкретное описание сути решения проблемы и вносимого в результате вклада и

представляет формулирование главной цели диссертации. В соответствии с основной целью следует выделить три-четыре целевые задачи в кандидатской диссертации и пять-семь задач в докторской, которые необходимо решить для достижения главной цели исследования. Это либо решение подпроблем, вытекающих из общей проблемы, либо задачи анализа, обобщения, выявления, обоснования, разработки, оценки отдельных аспектов общей проблемы, решение которых ведет к решению самой проблемы. Формулирование задач исследования полезно еще и в том отношении, что каждая из крупных целевых задач способна сформировать отдельную главу диссертации.

Дальнейшее описание объекта и предмета исследования носит лаконичный характер и вписывается в полстраницы текста.

Объект исследования представляет область научных изысканий, в пределах которой выявлена и существует исследуемая проблема. Это система закономерностей, связей, отношений, видов деятельности, в рамках которой зарождается проблема. Например, система ценообразования в экономике, отношения между государством и обществом в социологии, процессы преобразования энергии в технике, развитие творческой активности учащихся в педагогике, лечение определенных видов наследственных заболеваний в медицине и т.д.

Предмет исследования более узок и конкретен. Благодаря его формулированию в диссертации из общей системы, представляющей объект исследования, выделяется часть системы или процесс, протекающий в системе, являющийся непосредственным предметом исследования. Например, в общей системе ценообразования может быть выделено ценообразование на услуги коммерческих банков; в отношениях между государством и обществом – природа материальных отношений как особой формы отношений; в процессах преобразования выделяется преобразование ядерной энергии в электрическую; в развитии творческой активности учащихся – педагогическое воздействие на активизацию творческого усвоения

учащимися знаний по физике, в медицине – методы лечения конкретного заболевания. Именно на предмет исследования ориентируется диссертационная работа, вследствие чего он непосредственным образом отражается в теме диссертации.

<...>

Занковский А.Н. Этапы научного исследования // Организационная психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2002, с. 64–66

Научное исследование может быть разбито на несколько этапов, которые тесно связаны друг с другом. Первым из них является *определение проблемы и постановка задачи*. Стоящая перед исследователем проблема может быть или однозначной и предельно конкретной, или с самого начала неясной и абстрактной. Исследование начинается с подробного ознакомления с организационной ситуацией и выдвижения предположений о возможных взаимосвязях между явлениями. Исходя из того, что деятельность организационного психолога или консультанта как правило носит исследовательский характер, необходимо помнить о единстве теоретического и прикладного аспектов.

В случае новизны и сложности ситуации можно говорить об известных трудностях, которые возникают при формулировании сущности проблемы. Разумеется, *определение проблемы*, ее вычленение из множества других фактов и явлений – *первое условие правильного проведения исследования*. Данная стадия, называемая стадией определения и четкого формулирования задачи, требует значительного времени на тщательное изучение существа дела, поиск связи явлений и определение первостепенного.

Нередко за существенные принимаются поверхностные признаки и явления, которые фактически являются второстепенными или сопутствующими. В таких исследованиях если и достигается положительный результат, то с излишними затратами сил, времени и средств. На практике необходимо заранее

предвидеть подобные случаи, поскольку, как правило, задачи перед психологами ставят руководители, которые не всегда могут адекватно определить сущность проблемы с точки зрения организационной психологии. Объем изучаемой информации зависит от сложности исследуемой проблемы, условий, в которых проводится исследование, и поставленных задач.

Таким образом, первый шаг состоит в идентификации проблемы, которая требует решения. Однако даже сформулировав проблему, исследователь нередко не может приступить к ее решению из-за расплывчатого, диффузного характера формулировки. Для изучения проблема должна быть представлена в рафинированном, суженном виде.

Определение проблемы неразрывно связано и осуществляется в процессе *предварительного анализа имеющейся информации, конкретных условий, теоретических моделей и прикладных методов*, которые должны быть учтены или могут быть использованы для решения проблемы.

Выводы предварительного анализа позволяют подойти к следующему этапу исследования – *формулировке исходной гипотезы*, которая является *базовой формой представления проблемы в ясных, четких, операциональных терминах, которые делают возможной ее проверку*. Гипотеза устанавливает или предсказывает предполагаемую взаимосвязь между явлениями.

Научная гипотеза – это предположение, которое формулируется с целью последующей проверки. Если бы исследование ограничивалось лишь сбором фактов, то движение науки вперед было бы невозможным. Без направляющей идеи, без чего-то, что нужно подтвердить, любое исследование будет бесплодным. Но гипотезой считается не любое предположение, не каждая из поставленных проблем или задач; научная гипотеза должна соответствовать определенным критериям и обладать рядом характерных особенностей. Согласно П. Фрессу, гипотеза должна быть: 1) адекватным ответом на вопрос; 2) правдоподобной; 3) проверяемой [1].

При формулировании гипотезы речь, по существу, идет о постановке вопроса и формулировке предположений, кото-

рые должны быть решены и объяснены данным исследованием – принять или опровергнуть гипотезу. Разумеется, главным основанием являются соответствующие теории и модели, которые помогают понять проблему.

Как уже отмечалось, теория охватывает широкую совокупность явлений. Чем совершенней теория, тем больший круг вопросов и проблем она в состоянии объяснить. Именно теория позволяет сформулировать гипотезу, которая будет адекватным и конструктивным ответом на вопрос. Таким образом, *привлечение теории, помогающей понять проблему*, является необходимым элементом этого этапа исследования.

В любом организационно-психологическом исследовании психолог вынужден выделять лишь некоторые стороны изучаемого явления, т.е. формировать его модель. *Модель – это преднамеренно ограниченный выбор характеристик изучаемого объекта, обусловленный целью исследования и парадигмой конкретной научной дисциплины.* Ключевым моментом в модели является *цель*, т.е. то, для чего она создается. *Модель определяет* процедуры анализа, тесты, полевые наблюдения, лабораторные и естественные эксперименты, опросы и т.д. Важнейшими компонентами модели выступают ее детерминанты и критерии.

Детерминанты – основные «объективные» элементы ситуации, которые конкретная дисциплина рассматривает как релевантные независимые переменные. *Критерии* – зависимые переменные, т.е. некоторые организационно-психологические характеристики, которые предположительно являются наиболее адекватными для решения практических организационных проблем. Разумеется, детерминанты и критерии, как и любая переменная, могут менять положение (т.е. быть или зависимой, или независимой переменной). То, в какой роли выступает переменная, зависит от целей конкретной модели и схемы экспериментального плана.

Как мы уже отмечали, задачей организационной психологии является объяснение, прогнозирование и, в конечном счете, оптимизация организационной деятельности. Поэтому базовыми критериями организационной психологии являются показате-

тели эффективности деятельности организации на индивидуальном, групповом и организационном уровнях. Кроме того, в качестве критериев организационной психологии обычно выступают текучесть кадров, абсентеизм [*Абсентеизм* (от англ. *absent* – отсутствующий) – термин, обозначающий отсутствие члена организации на рабочем месте по уважительной или любой иной причине] и удовлетворенность трудом.

Детерминантами организационного поведения, как правило, выступает широкий ряд организационно-психологических характеристик, факторов и условий, представленных на каждом из организационных уровней. Исследовательская работа – это в основном проверка гипотезы, что еще раз свидетельствует о необходимости четкой и правильной ее формулировки, обоснованной ссылками на достоверные факты и литературные источники. Необоснованно выдвинутая гипотеза и проведенное на ее основе исследование могут не только исказить полученные результаты, но и привести к нежелательным последствиям. С научной точки зрения такое исследование бесполезно.

При формулировании гипотезы необходимо учитывать такую важную ее характеристику как *проверяемость*, которая предполагает наличие адекватных способов или приемов проверки данной гипотезы. В науке определенная система способов и приемов, с помощью которой осуществляется процесс познания, именуется *методом*.

Метод – это совокупность способов и приемов развития научного знания. Методы исследования должны быть определены уже на этапе формирования гипотезы. Цель науки и заключается в том, чтобы при помощи доступных, точных, современных и надежных методов объяснить явления, их сущность, важность, причинные связи и т.п.

Метод, следовательно, – это инструмент, способствующий прогрессу в научном познании. Сформированность научных методов является показателем уровня развития той или иной научной дисциплины. *При этом метод должен быть определен и заложен в гипотезу на уровне ее формирования.*

Учитывая важность проблемы метода в науке мы выделяем выбор метода в отдельный этап научного исследования и посвящаем рассмотрению методов организационной психологии и планированию эксперимента отдельные разделы главы. После обсуждения этих разделов мы сможем подойти к рассмотрению заключительных этапов научного исследования, связанных с проверкой исходной гипотезы, объяснением проблемы и составлением отчета/

Литература:

Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1973.

Руководство
по изучению дисциплины
«Методологические основы психологии»

Авторы курса дисциплины:

- Занковский Анатолий Николаевич, к.ф.н, заведующий кафедрой Социологии и психологии МЭСИ;

- Манухина Светлана Юрьевна, к.психол.н., доцент кафедры Социологии и психологии МЭСИ; *alday@inbox.ru*

Требования к входным и итоговым компетенциям (ЗУН) по дисциплине и уровень их сложности для освоения

№	Компетенции (ЗУН)	Начальный уровень ЗУН (0-4)	Итоговый уровень ЗУН (1-4)
	ВХОДНЫЕ		
1	Применение психологических терминов	2	3
2	Представление исторического хода развития психологических знаний	1	2
3	Применение психодиагностических методов и методик	2	3
4	Владение методами математической статистики	2	2
5	Представление о методологический основах построения психологического знания	1	3
6	Владение общепсихологическими категориями психологического знания	2	4
7	Анализ психологических концепций и подходов	2	3
	ИТОГОВЫЕ		
5	Применение понятийного аппарата психологии методологических основ психологического знания	1	3
6	Владение общепсихологическими и метапсихологическими категориями знания	2	3
7	Представление о построении психологического исследования	2	4
8	Представление о структуре и методологических основах научной психологической работы	2	4
9	Представление о роли и специфике метода в психологии	2	3

- Шкала уровней ЗУН:
 - 0 – нет навыков (очень просто)
 - 1 – начальный уровень (просто)
 - 2 – средний уровень (средне)
 - 3 – уровень специалиста (сложно)
 - 4 – уровень эксперта (очень сложно)
- Примеры и сферы возможного применения итоговых ЗУН по дисциплине:

Итоговые компетенции должны применяться в работе психолога при организации и проведении психологического исследования, написании научных трудов, практических и методических пособий, а также при любой практической деятельности психолога.

Содержание дисциплины

Тема 1. Методология научного познания.

Знание, познание и его формы. Специфика научного познания (критерии научности). Научное знание как система. Основные функции практики в процессе научного познания. Понятие научного факта, закона, закономерности. Метод и методология. Понятие и основные характеристики научной теории. Метод как единство объективного и субъективного. Уровни научной методологии. Классификация методов науки.

Рекомендуемая литература

Гудвин Дж. Исследование в психологии: методы и планирование. – СПб.: Питер, 2004, с. 20–34.

Занковский А.Н. Организационная психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2002, с. 55–61.

Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии: Учебное пособие. – М., Воронеж: Издательство Московского психосоциального института, НПО «МОДЭК», 2005, с. 4–48.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998, с. 25–47.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-пресс, 1995, с. 36–80.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие основные критерии научности Вы можете выделить?
2. Научный факт – закон или закономерность?
3. В чем заключаются объективные и субъективные стороны метода?
4. В чем сущность уровней научной методологии?

Тема 2. Специфика методологии психологии

Особенности психологии как науки. Понятие социального познания. Особенности социального познания и его методов. Новая парадигма социальной методологии. Понятие о методологии психологии и ее уровнях. Теоретическая и прикладная психология. Теоретическое и эмпирическое познание в психологии. Ключевые методологические проблемы современной психологии.

Рекомендуемая литература

Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. – М., Воронеж: Институт практической психологии, НПО «МОДЭК», 1994, с. 368–378.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2001, с. 30–34.

Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии: Учебное пособие. – М., Воронеж: Издательство Московского психосоциального института, НПО «МОДЭК», 2005, с. 64–99.

Юревич А.В. Психология и методология. – М.: ИП РАН, 2005, с. 139–161, с. 171–189, с. 162–170.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается закономерность развития теоретической, практической и прикладной областей психологии?

2. Теоретическая и прикладная психология: разные направления или взаимодополнение?
3. В чем заключаются особенности психологии как науки?
4. Каковы основные направления развития психологии?
5. Какие ключевые проблемы современной психологии Вы можете отметить?

Тема 3. Философские основания психологии

Функции философии в научном познании. Особенности соотношения психологии и философии. Категориальный строй современной психологии, Система объяснительных принципов психологии (принцип детерминизма, принцип системности, принцип развития). Роль принципов диалектики как регуляторов научного познания в психологии. Границы, сфера действия диалектического метода в психологии. Проявление законов диалектики в сфере психического. Метафизика и ее значение для психологии.

Рекомендуемая литература

Барабанищikov В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. – М.: ИП РАН, 2004, с. 18–84.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2007.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998, с. 16–23, с. 343–455.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-пресс, 1995, с. 177–210.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы функции философии в научном познании?
2. Какие основные принципы объяснительной психологии Вы можете выделить?
3. Какие принципы лежат в основе развития психологии как науки?
4. Какие сферы влияния диалектических методов в психологии Вы можете отметить?

5. Как проявляются законы диалектики в сфере психического?

6. В чем заключается значение метафизики для психологии?

Тема 4. Обще- и частнонаучная методология психологии

Системный подход как общенаучная методология. Сущность системного подхода. Особенности его применения в психологии. Категории "личность", "общение", "деятельность" как метапсихологические категории, их значение для методологии психологии. Личностный подход в психологии, деятельностный и полисубъектный (диалогический) подходы и специфика их применения при анализе психического.

Рекомендуемая литература

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007, с. 37–116.

Барабанищikov В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. – М.: ИП РАН, 2004, с. 211–245, с. 246–283.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996, с. 10–32, 44–58, 353–365.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2007.

Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2005, с. 10–134, 234–257.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984, с. 190–240, 242–342.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998, с. 223–342.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-пресс, 1995, с. 126–153.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер-Пресс, 1997, с. 28–40.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается сущность системного подхода в психологии?
2. Какие основные метапсихологические категории Вы можете выделить?
3. В чем заключается специфика применения деятельностного подхода в психологии?
4. В чем заключается специфика применения личностного подхода в психологии?
5. «Общение» и «деятельность» – в чем заключается их взаимодополняемость как метапсихологических категорий?

Тема 5. Система методов психологии.

Теоретические и эмпирические методы психологии. Классификация методов психологии по Б.Г. Ананьеву. Анализ документов. Опрос и его виды. Основные требования к использованию метода опроса. Тестирование как метод психологии. Понятие, виды, надежность и валидность теста. Проективные методы: возможности и ограничения. Биографический метод. Эмпатия как метод познания в психологии.

Рекомендуемая литература

Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. – М., Воронеж: Институт практической психологии, НПО «МО-ДЭК», 1994, с. 303–316.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2001, с. 35–40.

Занковский А.Н. Организационная психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2002, с. 67–83.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2007.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-пресс, 1995, с. 81–124.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие основания классификаций методов психологии Вы можете выделить?

2. Какие основные критерии построения классификаций методов Вы можете обозначить?

3. Что такое надежность и валидность теста?

4. Какие существуют возможности и ограничения проективных методов?

5. Какие существуют основные требования к использованию тестов в психологической практике?

6. Какие теоретические и эмпирические методы психологии Вы знаете?

7. На основе каких критериев мы можем говорить о наличии системы методов в психологии?

Тема 6. Организация научного психологического исследования

Понятие научного исследования. Фундаментальные, прикладные научные исследования, научные разработки. Общеметодологические параметры научного исследования: проблема, тема, предмет, объект, цель, задачи, гипотеза, защищаемые положения. Критерии качества научного психологического исследования: актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость. Программа исследования: методологический и процедурный разделы. Логика исследовательского поиска: эмпирический, гипотетический, экспериментально-теоретический, прогностический этапы.

Рекомендуемая литература

Ануфриев А.Ф. Научное исследование. Курсовые, дипломные и диссертационные работы. – М.: Ось-89, 2004, с. 15–28, с. 30–49.

Гудвин Дж. Исследование в психологии: методы и планирование. – СПб.: Питер, 2004, с. 42–47, 52–128.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2001, с. 203–268.

Занковский А.Н. Организационная психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2002, с. 61–67.

Райзберг Б.А. Диссертация и ученая степень. Пособие для соискателей. – М.: ИНФРА-М, 2003, с. 103–105.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие основные параметры общеметодологических параметров научного исследования Вы можете выделить?
2. Какие основные разделы входят в программу научного психологического исследования?
3. В чем заключаются критерии качества научного психологического исследования?
4. Какие формы научных исследований Вы можете выделить?
5. В чем заключается понятие «научного исследования»?

Контрольные мероприятия

1. Форумы:

1. Форум: Система научного психологического знания в современном представлении

Дискуссионные вопросы:

1. В чем заключается системность научного психологического знания?
2. Приведите пример формирования научного психологического знания.
3. Каковы тенденции развития научного психологического знания в современном мире?

2. Форум: Научно-психологическое исследование в современной организации.

Дискуссионные вопросы:

1. Какие основные принципы построения научно-психологического исследования Вы можете выделить?
2. Приведите пример построения научно-психологического исследования в современной организации.

Темы рефератов:

1. Научное знание как система.
2. Критерии научности. Применение критериев научности в построении организационно-психологического исследования
3. Основные функции практики в процессе научного познания практического психолога
4. Методы и методология организационной психологии.
5. Классификация методов организационной психологии. Специфика их применения.
6. Естественнонаучная, гуманитарная, сциентистская парадигмы в науке. Их отражение на развитии методологии организационной психологии
7. Понимание как цель и метод гуманитарной парадигмы в науке.
8. Особенности организационной психологии как науки.
9. Понятие о методологии психологии и ее уровнях.
10. Теоретическая, практическая, прикладная психологии в работе психолога организации.
11. Теоретическое и эмпирическое познание в организационной психологии.
12. Ключевые методологические проблемы современной психологии.
13. Функции философии в научном познании психологии.
14. Особенности соотношения психологических и философских.
15. Категорий современной психологии: влияние на особенности современного управления организацией.
16. Система объяснительных принципов психологии и их применение в работе практического психолога в организации.
17. Метафизика и ее значение для психологии.
18. Научное и ненаучное психологическое знание: влияние на формирование профессиональной компетентности специалиста-психолога.
19. Научное и ненаучное психологическое знание: последствия применения на практике.

20. Структура психологических учений.
21. Системный подход как общенаучная методология (принцип системности).
22. Использование принципа системности при работе психолога в организации.
23. Основные принципы психологии.
24. Принцип детерминизма как общенаучный принцип и общепределяющий принцип работы организационного психолога.
25. Категории психологии: деятельность, отражение, личность, сознание, общение. Применение категорий психологии для работы с корпоративной культурой предприятия.
26. Деятельный подход и его специфика при анализе психического.
27. Опрос как метод организационной психологии.
28. Тестирование как метод организационной психологии.
29. Проективные методы в психологии: возможности и ограничения.
30. Биографический метод в психологии.
31. Эмпатия как метод познания в психологии: возможности и ограничения работы в оргконсультировании.
32. Понятие научного исследования в организационной психологии.
33. Фундаментальные и прикладные научные исследования.
34. Общеметодологические параметры научного исследования.
35. Критерии качества научного исследования в организационной психологии.
36. Программа исследования : методологический и процедурный разделы.
37. Герменевтика как метод описательной психологии.
38. Работа с сознанием как предмет практической психологии.
39. Методы психологической практики: консультация, психоанализ, психотерапия, психосинтез, тренинг, психокоррекция.
40. Антропотехника и психотехники как средства совершенствования и саморазвития личности и методы практической психологии.

Список вопросов для итогового мероприятия

1. Чем отличаются житейские знания о человеке от научных знаний?
2. Каковы функции практики в процессе научного познания?
3. Чем наука отличается от религии, мистики?
4. Назовите основные характерные черты науки?
5. С каким открытием Г. Галилея связано становление науки?
6. Что такое научная истина?
7. Основные тезисы сциентизма и антисциентизма.
8. Какова цель науки?
9. Что является основой научной теории?
10. Чем подтверждается истинность теории?
11. Назовите 3 основных принципа научного познания?
12. Чем отличается мифологическое мышление от научного?
13. Что такое научное знание?
14. Чем отличаются объяснительная и описательная психологии?
15. Чем отличаются теоретическая, практическая, прикладная психологии?
16. Чем отличается «институт подруг» от профессиональной консультации психолога?
17. Назовите отличительные характеристики естественно-научной, гуманитарной и сциентической парадигм?
18. Назовите основные принципы психологии?
19. В чем сущность принципа детерменизма? Приведите примеры применения в психологии?
20. Назовите категории психологии.
21. Приведите примеры использования основных принципов психологии на практике.
22. Как можно использовать деятельностный подход при анализе психического?
23. Какие две группы методов в классификации Б.Г. Ананьева?

24. Приведите пример построения исследования в организационной психологии.

25. Метод. Методология. Научный подход.

26. Описательные методы. Понятие. Классификация. Применение на практике.

27. Объяснительные методы. Понятие. Классификация. Применение на практике.

28. Назовите основные требования к использованию метода опроса?

29. Что такое надежность и валидность теста?

30. Что такое эмпатия? Особенности метода «эмпатическое слушание»

31. Назовите основные проективные методы.

32. Метод интроспекции.

33. В чем сущность принципа системности?

34. Научное познание: феномен или реальность?

35. Дайте определение основным параметрам научного исследования: проблема, тема, предмет, объект, задачи, цель, гипотеза, защищаемые положения.

36. Дайте определения понятиям: консультация, психоанализ, психотерапия, психосинтез, психокоррекция, тренинг.

Глоссарий

Априори метод – способ познания, предложенный Пирсом, при котором человек формирует мнение с помощью самостоятельных рассуждений или на основании мнения других людей, составленного путем рассуждений (Гудвин Дж., 2004, с.516).

Валидность – комплексная характеристика методики (теста), включающая сведения об области исследуемых явлений и репрезентативности диагностической процедуры по отношению к ним (Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М., 2003, с.34)

Гипотеза – это предположение, выдвигаемое для объяснения какого-либо явления, которое не подтверждено и не опровергнуто. Это предполагаемое решение проблемы (Ануфриев А.Ф., с.21)

Детерминанты – основные «объективные» элементы ситуации, которые конкретная дисциплина рассматривает как релевантные независимые переменные (Занковский А.Н., с.66).

Детерминизм – научное предположение о том, что любое событие имеет причину (Гудвин Дж., 2004, с.518)

Естественное наблюдение – описательный метод исследования, заключающийся в изучении поведения людей или животных в повседневной жизни (Гудвин Дж., 2004, с.518).

Задачи исследования – это те исследовательские действия, которые необходимо выполнить для достижения поставленной в работе цели, решения проблемы или для проверки сформулированной гипотезы исследования (Ануфриев А.Ф., с.21).

Интроспекция – метод, широко применяемый на начальном этапе психологии, при котором испытуемый выполняет задания, а затем описывает явления, возникающие в сознании в процессе их выполнения (Гудвин Дж., 2004, с.519).

Лонгитюдное исследование – в психологии развития – план, в котором возраст является независимой переменной, а одна и также группа людей периодически исследуется на протяжении многих лет (Гудвин Дж., 2004, с.522)

Метапсихологическая категория – в логическом отношении каждая метапсихологическая категория представляет собой субъект-предикативную конструкцию, в которой положение субъекта занимает некоторая базисная категория (один из примеров: "образ" как базисная категория в метапсихологической категории – "сознание"), а в качестве предиката выступает соотношение этой базисной категории с другими базисными категориями ("мотивом", "действием", "отношением", "переживанием") (Петровский А.В., Ярошевский Я.Г., с.17)

Метод – совокупность способов и приемов развития научного знания (Занковский А.Н., с.67).

Метод интервью – вид опроса, при котором руководитель эксперимента лично беседует с участником (Гудвин Дж., 2004, с.522).

Метод наблюдения – это преднамеренное, систематическое и целенаправленное восприятие внешнего поведения человека с целью его последующего анализа и объяснения (Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 1995, с.95).

Методология науки – это система знания о принципах построения, формах и способах организации научного познания, а также о способах установления степени достаточной обоснованности и верифицированности знаний, получаемых в процессе научного исследования естественных (природных) и социальных явлений (Маланов С.В., 2005, с.4).

Модель – это преднамеренно ограниченный выбор характеристик изучаемого объекта, обусловленный целью исследования и парадигмой конкретной научной дисциплины (Занковский А.Н., с.66).

Надежность – степень устойчивости измерений некоторого феномена и возможность их воспроизведения. Измерения с высокой надежностью содержат минимальное количество ошибок (Гудвин Дж., 2004, с.523).

Объект исследования – представляет область научных изысканий, в пределах которой выявлена и существует исследуемая проблема (Райзберг Б.А., с.104).

Объяснение – задача науки, заключающаяся в поиске причин событий (Гудвин Дж., 2004, с.524).

Операциональное определение – такое определение, которое описывает явления в терминах операций или шагов, используемых для его измерения. Операциональное определение необходимо для того, чтобы сократить неопределенность смысла (Занковский А.Н., с.60)

Описание – задача науки, заключающаяся в точной классификации поведения или фиксации последовательности внешних стимулов и соответствующих им поведенческих актов (Гудвин Дж., 2004, с. 524).

Опрос – описательный метод, при котором испытуемые отвечают на серию вопросов или высказываются по поводу набора утверждений на заданную тему (Гудвин Дж., 2004, с.524).

Пилотажное исследование – сбор данных на начальных этапах исследования. Проблемы, обнаруженные на этой стадии, позволяют усовершенствовать процедуру исследования и впоследствии избежать методологических ошибок (Гудвин Дж., 2004, с.525).

Предмет исследования – более узок и конкретен [чем объект исследования]. Благодаря его формулированию в диссертации из общей системы, представляющей объект исследования, выделяется часть системы или процесс, протекающий в системе, являющийся непосредственным предметом исследования (Райзберг Б.А., с.105).

Прикладное исследование – исследование, направленное на решение конкретных, не допускающих отлагательство проблем (Гудвин Дж., 2004, с.527).

Прогнозирование – задача науки, которая заключается в утверждении возникновения некоего поведения. Утверждение имеет некую степень вероятности (Гудвин Дж., 2004, с.528).

Псевдонаука – исследования, опирающиеся на единичные свидетельства и слишком неопределенные для адекватной проверки (Гудвин Дж., 2004, с.528).

Самоотчет – это словесный или письменный отчет о результатах самонаблюдений (описание человеком самого себя в относительной целостности психических проявлений) (Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 1995, с.109).

Системность – объяснительный принцип научного познания, требующий исследовать явления в их зависимости от внутренне связанного целого, которое они образуют, приобретая благодаря этому присущие целому новые свойства (Петровский А.В., Ярошевский Я.Г., 1998, с.366).

Теория – набор утверждений, организующих и обобщающих информацию о некотором явлении, представляющий собой основу для прогнозов, достоверность которых проверяется затем эмпирически (Гудвин Дж., 2004, с.530).

Тест – (англ. test – проба, испытание, ошибка) – (в психологии) фиксированное во времени испытание, предназначенное для установления количественных и качественных индивидуально-психологических различий. Основным инструментом психодиагностического обследования, с помощью которого осуществляется диагноз психологический (Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М., 2003, с.325).

Формирование – оперантная процедура для выработки нового поведения, лежащая в основе плана с изменяющимся критерием. Поведение подкрепляется критерием в процессе приближения к требуемой модели (Гудвин Дж., 2004, с.531).

Эксперимент – один из основных методов научного познания вообще, психологического исследования в частности. Отличается от наблюдения активным вмешательством в ситуацию со стороны исследователя, осуществляющего планомерное манипулирование одной или несколькими переменными (факторами) и регистрацию сопутствующих изменений в поведении изучаемого объекта (Петровский А.В., Ярошевский Я.Г., 1990).

Эмпатическое слушание – это техника поведения субъекта исследователя (терапевта) и субъекта-испытуемого (пациента, клиента): близкая дистанция, контакт глаз, полная поглощенность собеседником, эмоциональное сопереживание собеседником (Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 1995, с.110).

Эмпиризм – способ познания, основывающийся на непосредственном наблюдении или опыте (Гудвин Дж., 2004, с.532).

Практикум

Список практических заданий по курсу.

- 1) Реферат (темы 1–6)
- 2) Форум 2 (темы 1–3)
- 3) Форум 3 (темы 4–6)
- 4) Доклад (тема 1–6)

Описание заданий.

1. Реферат (темы 1–6).

Реферат должен представлять собой краткое изложение в письменном виде и в форме публичного выступления содержания публикаций, научных работ, результатов изучения научной проблемы на определённую тему и включать обзор соответствующих литературных и других источников.

Работа выполняется индивидуально. Тема реферата согласовывается с преподавателем и закрепляется за студентом в начале семестра. Студент должен представить результат своей работы в письменном виде. Реферат сдается в напечатанном виде (количество страниц и пр. формальности см. в таблице «Критерии оценки»). Студентам рекомендуются консультации с преподавателем по всем возникающим в ходе работы вопросам.

Критерии оценки реферата	Параметры и баллы			
	Обязательные параметры	Балл	Рекомендуемые параметры	Балл
1. Количество страниц письменного варианта реферата (3000 символов на страницу)	10 стр.	2	12 стр.	3
2. Использование источников	5 источников	1	10 источников	3
4. Владение излагаемым материалом (оценивается по манере изложения и ответам на уточняющие вопросы)	выполнено	4	выполнено	4

За реферат студент может получить от 7 до 10 баллов.

2., 3. **Форум 2** (темы 1-3), **Форум 3** (темы 4-6)

Форум выполняется студентами посредством Виртуального Кампуса МЭСИ. Преподавателем задается общая тема, которая обобщала бы темы с 12-17 (Форум 2), 18-22 (Форум 3).

Студентам необходимо наиболее полно ответить на вопрос форума, организуя взаимодействия и обсуждения в электронной среде. Ответ должен включать в себя как теоретические аспекты, так и практические, а также обязательные ссылки (не менее двух) в тексте на авторов.

Критерии оценки проекта	Параметры и баллы			
	Обязательные параметры	Балл	Рекомендуемые параметры	Балл
1. Наличие ответа	выполнено	1	выполнено	1
2. Взаимодействие в форуме	-	0	выполнено	2
3. Наличие практических и теоретических аспектов в ответе	выполнено	2	выполнено	2
4. Наличие ссылок в ответе	2	1	3	2
5. Новые оригинальные идеи	выполнено	1	выполнено	1

За форум студент может получить от 5 до 8 баллов.

4. **Доклад** (тема 1-6).

Доклад подготавливается и выполняется в минигруппе (2-3 человека) и представляет собой самостоятельное исследование студентами одной из актуальных психолого-педагогических проблем (список тем докладов см. в Программе). Проект должен включать теоретический и практический блок. Теоретический блок представляет собой краткое изложение содержания публикаций, научных работ, результатов изучения научной проблемы по теме проекта и включать обзор соответствующих литературных и других источников.

Доклад делается в течение 15 минут (и 5 минут на вопросы аудитории) в форме презентации. Количество слайдов

презентации должно составлять не менее 15 слайдов от 20 до 24 шрифта. В тексте слайдов должны присутствовать ссылки на авторов.

Критерии оценки проекта	Параметры и баллы			
	Обязательные параметры	Балл	Рекомендуемые параметры	Балл
1. Количество слайдов	15	1	20	2
2. Использование источников	5 источников	1	10 источников	3
3. Раскрытие и полнота	Выполнено	2	выполнено	2
4. Наличие теоретического и практического блоков и их взаимосвязь	Выполнено	1	выполнено	1
5. Владение излагаемым материалом (оценивается по манере изложения и ответам на уточняющие вопросы)	Выполнено	2	выполнено	2

За доклад студент может получить от 7 до 10 баллов.

Тест

2-е попытки прохождения теста. Система оценки: 1-н правильный ответ – 1 балл. Максимально возможное количество баллов за тест 8. Вариант выбора 8 из 12.

1. *Житейское представление людей о психике:*
 - а) основывается на непосредственном отражении разных аспектов бытия и философии «здорового смысла»;
 - б) включает целенаправленный процесс сбора и анализа данных, а также фундаментальные процессы, связанные с объективными и описательными объектами психологии;
 - в) является врожденным представлением, корни развития которого лежат в филогенезе человеческого становления.
2. *Методологические принципы – это:*
 - а) особые единицы психологического знания, каждая из которых является необходимым и достаточным условием для написания плана эмпирического исследования;
 - б) установки, организующие направление и характер исследования;
 - в) установки, организующие и направляющие поведения исследователя.
3. *Методология – это:*
 - а) учение о методе, система принципов и способов организации, построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе;
 - б) особый подход к исследованию в области теоретической психологии;
 - в) один из принципов объяснительной психологии.
4. *Основными характеристиками научного метода являются:*
 - а) детерминизм, системность, информированность, объективность;
 - б) креативность, толерантность, любознательность;

- в) контролируемость, операциональное определение, повторяемость.

5. Методика отвечает:

- а) конкретным целям и задачам исследования, содержит в себе описание объекта и процедур изучения, способов фиксации и обработки данных;
- б) основным законам построения научной парадигмы;
- в) основным законам и задачам естественно-научного исследования или строгому лабораторному эксперименту.

6. В естественно-научной парадигме:

- а) изучение человека состоит в постижении духовно-душевной жизни во всем многообразии ее проявлений и связей;
- б) человек рассматривается как совокупность определенных свойств, процессов элементов, структур;
- в) изучение человека состоит в соотношении его субъективной оценки и постижении духовно-душевной жизни.

7. В гуманитарной парадигме:

- а) предмет изучения – это психоневрологические и рефлексивные проявления человека;
- б) основное направление изучения человека сводится к анализу его словесных форм, исповедей, самоанализа;
- в) предмет изучения – это душевная жизнь человека.

8. Научная психология для получения знания использует:

- а) непосредственное взаимодействие с другими людьми;
- б) непосредственный опыт проведения исследования (и это является первичным фактором);
- в) целый арсенал методов.

9. Принцип объективности – это:

- а) основной принцип психологии, на котором строятся все психологические исследования, и который может взаимозаменять другие принципы психологической методологии;

- б) обязательная проверка данных хотя бы на двух испытуемых;
- в) необходимость достаточно точных определений терминов и описания процедуры исследования, для того, чтобы другие ученые могли повторить данное исследование и получить аналогичные результаты.

10. Характерными чертами псевдонауки являются

- а) наукообразие;
- б) опора на единичные свидетельства;
- в) уклонение от опровержений, размытость формулировок;
- г) сведение сложных явлений к однородным понятиям;
- д) только наукообразие и опора на единичные свидетельства;
- е) все эти характеристики;
- ж) ни одна из этих характеристик.

11. Метод исследования конкретизируется:

- а) в исследовательских методиках;
- б) в поведении испытуемого;
- в) в особенностях психологического подхода и психологических принципах.

12. К способам познания мира относятся:

- а) метод очевидного знания;
- б) метод авторитета;
- в) метод интуиции;
- г) научный метод;
- д) только научный метод и метод очевидного знания;
- е) все эти методы;
- ж) ни один из этих методов.

Список литературы

Основная литература

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. – М., Воронеж: Институт практической психологии, НПО «МОДЭК», 1994.
2. Ануфриев А.Ф. Научное исследование. Курсовые, дипломные и диссертационные работы. – М.: Ось-89, 2004.
3. Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. – М.: ИП РАН, 2004.
4. Гудвин Дж. Исследование в психологии: методы и планирование.- СПб.: Питер, 2004.
5. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996.
6. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2001.
7. Занковский А.Н. Организационная психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2002.
8. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2007.
9. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.
10. Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии: Учебное пособие. – М., Воронеж: Издательство Московского психосоциального института, НПО «МОДЭК», 2005.
11. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998.
12. Райзберг Б.А. Диссертация и ученая степень. Пособие для соискателей. – М.: ИНФРА-М, 2003.
13. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-пресс, 1995.
14. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер-Пресс, 1997.

15. Юревич А.В. Психология и методология. – М.: ИП РАН, 2005.

Дополнительная литература

1. Адлер Г, Лекции по аналитической психологии. Л.,1996.
2. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947.
3. Английские материалисты XVIII века: Собр. продав.: в 2т.М., 1967. Т. 2.
4. Аристотель. Никомахова этика // Соч.: В4т. М., 1984. Т. 4.
5. Аристотель. О душе// Соч.: В 4т., М., 1976. Т. 1.
6. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007.
7. Вундт В. Основания физиологической психологии. М., 1880. Ч. 1.
8. Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.
9. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
10. Дильтей В. Описательная психология. М., 1997.
11. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. М., 1997.
12. Карицкий И.Н. Методология практической психологии // Труды Ярославского методологического семинара : Методология психологии. – Ярославль, 2003. – Т. 1. с. 135–158.
13. Климова И. В. Методологические основы психологии : учеб. пособие / И.В. Климова ; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образов. «Липец. гос. техн. ун-т». Липецк : ЛГТУ, 2005.
14. Кравец А.С. Методология: понятие, структура, функция // Методологические проблемы развития науки. Иркутск, 1982. с. 19–32.
15. Лейбниц Г. Монадология // Соч.: В 4 т. М., 1982. Т. 1.
16. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2005

17. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959.
18. Лукреций. О природе вещей. М.; Л., 1947.
19. Лубовский Д. В. Введение в методологические основы психологии : учеб. пособие / Д.В. Лубовский ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2005. – 223 с.
20. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
21. Мазилев В.А. К проблеме теории и метода в психологии // Познавательные процессы и личность в норме и патологии. Ярославль, 1995. с. 35–39.
22. Маланов С. В. Методологические и теоретические основы психологии : учеб. пособие / С.В. Маланов ; Моск. психол.-соц. ин-т. М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та : МОДЭК, 2005.
23. Маслоу Л. Дальние пределы человеческой психики. М., 1997.
24. Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Психология: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2006.
25. Павлов И.П. Мозг и психика. М.; Воронеж, 1996. (Психологи Отечества).
26. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1994.
27. Пиаже Ж. Логика и психология // Пиаже Ж. Избр. психол. тр. М., 1994.
28. Принцип системности в психологических исследованиях М, 1990. с. 131–137.
29. Разина Т. В. Методологические основы психологии : учеб. пособие / Т. В. Разина ; Сыктывк. гос. ун-т. Сыктывкар : Изд-во Сыктывк. гос. ун-та, 2005.
30. Роджерс Р. Взгляд на психотерапию, становление человека. М., 1994.
31. Рубинштейн С.А. Проблемы общей психологии. М., 1973.
32. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию //

- Сеченов И.М. Психология поведения. М.; Воронеж, 1995. С. 131–214, (Психологи Отечества).
33. Современная психология. Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Инфра-М, 1999.
 34. Соколов И В. Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках. М., 1963.
 35. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. М., 1982.
 36. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
 37. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
 38. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
 39. Хорни К. Невротическая личность нашего времени // Собр. соч.: В 3 т. М., 1997.
 40. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
 41. Юнг К. Аналитическая психология. СПб, 1994.
 42. Ярошевский М.Г, Психология в XX столетии. М., 1974.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ:

<http://psychology.ru>
<http://www.fondgp.ru/lib/mmk>
<http://portal.grsu.by>
<http://encycl.yandex.ru>

**ПАКЕТЫ ПРИКЛАДНЫХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ (ППП)**

Не предусмотрены.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

Хрестоматия
Учебно-методический комплекс
Авторы и составители
Светлана Юрьевна Манухина
Анатолий Николаевич Занковский

Ответственный за выпуск *А.И.Комаров*
В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н.А.Рощина*

Подписано в печать 05.03.09. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 9. Тираж 100 экз.

Издательский центр Евразийского открытого института
119501, г. Москва, ул. Нежинская, д. 13.
Тел.: (495) 442-23-92

Отпечатано в ООО «Футурис».
127051, г. Москва, Каретный Б. пер., д. 24/12, кор. стр. 1.
Тел.: (495) 772-31-07

ISBN 978-5-374-00244-7

